



КОЛЛЕКЦИЯ БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ

КОЛЛЕКЦИЯ БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ

Николай
Дронт

ПРИДВОРНЫЙ

ГОФ-МЕДИК

ЗАКЛИНАНИЕ

ОТСТАВНИК

Коллекция боевой фантастики

Николай Дронт

**Придворный: Гоф-медик.
Заклинание. Отставник**

«Издательство АСТ»

2019-2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Дронт Н.

Придворный: Гоф-медик. Заклинание. Отставник / Н. Дронт — «Издательство АСТ», 2019-2026 — (Коллекция боевой фантастики)

ISBN 978-5-17-186328-9

Придворный – это история человека из нашего мира, который неожиданно оказывается в иной реальности и вынужден выживать в сложной системе придворной власти. Обладая рациональным мышлением и знаниями, он быстро понимает, что в этом мире решают не только магия и сила, но прежде всего связи, репутация и польза для сильных мира сего. Начав путь как незаметный специалист, герой постепенно поднимается всё выше и получает доступ к решениям, от которых зависят судьбы других людей. При дворе нет постоянных друзей, есть лишь временные союзники и скрытые соперники. Герою приходится балансировать между личными принципами, требованиями службы и инстинктом самосохранения. Со временем он понимает, что власть – это не награда, а опасная ответственность. Любое неверное решение может привести к падению. Это история не об избранном герое, а о человеке, который выживает благодаря уму, наблюдательности и умению адаптироваться.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-186328-9

© Дронг Н., 2019-2026

© Издательство АСТ, 2019-2026

Содержание

Гоф-медик	7
От автора	7
Пролог	8
Клуб	8
Сотворение	9
Глава 1	12
Прибытие	12
Подъем	14
Дневник	16
Дорога в школу	16
Шагистика	18
Экзамен. Словесность	20
Испытание	21
Разнос	22
Схватка	23
Марги	25
Фрида	26
Опрос	26
Ходатай	27
Глава 2	29
Ангел	29
Палата	30
Отец	35
Дед	35
Фрида	36
Ромул	37
Август	37
Ходатай	37
Больница	38
Дед	40
Ангел	40
Больница	41
Ходатай	44
Отец	45
Глава 3	46
Больница	46
Министр	48
Брильянт	49
Аудиенция	50
Принц	52
Министерство	52
Дед	55
Дом	56
Марги	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Николай Дронт
Придворный: Гоф-медик.
Заклинание. Отставник

Серия «Коллекция боевой фантастики»

Иллюстрация на обложке *Айрата Аслямова*

Ленинград
издательский дом

© Николай Дронт, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Гоф-медик

От автора

Один мой приятель, написавший штук десять небольших рассказов и ранее сподвигнувший меня выложить «В ту же реку», откровенно высказал своё мнение обо мне как об авторе:

– Первый роман – а у тебя даже не роман, а повесть – любой дурак напишет. Рассказывай про свою жизнь – и всё, ты на коне. Я не ищу лёгких путей, сам в голове трёхтомник мемуаров держу, как-нибудь будет время, соберусь, накалякаю, все издательства с руками оторвут. Но пока не хочу высовываться, оттачиваю мастерство на малых формах, ищу своего читателя. И в печать тексты не даю, жду, когда народ дозреет до понимания моих произведений, сразу сборник выпущу. А ты, если хочешь показать себя, не пиши про то, что никто не писал. Ты походи на вытопанную делянку, где дивизия авторов прошлась, и там хоть что-нибудь изобрази. Вот хотя бы того же попаданца, хотя бы в Гарри Поттера, про него ещё только ленивый не писал. Если на твой текст будет хоть сотня положительных отзывов на тысячу плевков, то тогда я назову тебя писателем. А сейчас ты обычный графоман, только попавший в струю.

Другой автор, маститый, известный и лично мною очень уважаемый, намекнул, что экзаменом автору будет именно вторая книга. И лучше на другую тему.

Третий, ни разу не писатель, предложил поспорить, что не про СССР я не напишу, ибо слабоват как автор.

Я повёлся на слабо и решил написать ещё один текст. Получение прибыли не ставится целью и не ожидается вовсе. Сюжет надо серьёзно обдумать.

Итак, опять попаданец. Но не альтернативная история. И обязательно магия.

Рассмотрим, что должен сделать приличный попаданец в магом мире? Сначала превозмогать, потом (или одновременно) оказаться могучим архимагом и крутым бойцом. Можно наоборот – могучим бойцом и крутым архимагом, главное правильно обосновать, как эти способности наш офисный задохлик получил. Капитан космодесантников галактического спецназа, укушенный радиоактивным скорпионом и осенённый взором богини Любви, – вполне себе нормальный типаж для попаданца. Дальше – любовь эльфийской принцессы, совмещённая с боями за неё и превозмоганием её капризов. Сюжета хватает на три книги минимум, на четвёртой автор сам бросает опостылевших героев.

В принципе, нормальный сюжет. Но мне лениво, надо прогнать ГГ по сокращённой программе: учёба – превозмогание – любовь за неделю времени того мира. Пусть поучится день, попревозмогает пару деньков, затем сразу любовь принцессы, и с новой недели пусть спокойно живёт себе дальше. Ну... как сможет... Итак...

Пролог

Клуб

Бывший подвал ныне обзавёлся вывеской, написанной масляной краской на слегка прожарившем куске жести, и стал гордо именоваться «Подземелье дракона». Сюда собирались ролевики – любители настолок всех систем, владельцы армий солдатиков, ищущие бескомпромиссных битв, и игроки в разнообразные клоны уже устаревшей, но ещё популярной карточной «Магии». Услышав «мы тут демона вызвали, а он Федьку на куски порвал», окрестные старушки уже не хватаются за сердце и не вызывают участкового разогнать сатанистов. Привыкли. Через внуков они пребывают в курсе всех клубных дел, а потому имеют своё мнение про каждого игрока. Иным, проходя вдоль лавочек ко входу, приходится слышать про себя весьма нелицеприятные отзывы:

– Матвевна, видишь того, с бородёнкой? Наглый такой, не здороваётся никогда. Он пресветлым паладином в Фаяруне ходит. Наркоман, наверное.

– Точно наркоман, Петровна. У них там дракониха сдохла, и они её сокровища ищут пограбить. Один раз из-за него партия луту лишилась, подлец его нищим раздал. Мой Васенька у них киндером ходит. Он так расстроился, так расстроился, что даже меч евовный спёр.

К другим пенсионерки благоволили:

– Хорошая девка. Ходит йельфой с луком. Вежливая такая и не курит почти. Она здесь себе быстро парня найдёт, ребёночка заведёт и ходить бросит.

– Не, Матрёна, не бросит. Она с дварфом из шешнадцатой квартиры гуляет. Как поженятся, тута же жить будут. Им в подвал только спуститься, а с дитём свекровь посидит. У их трёхкомнатная, хоть живут только мать и он. Отец после развода десять лет не появлялся.

– Это который дварф? Митяй, что ли? Он же со Светкой из третьего дома раньше обжился?

Дальше следует критический разбор взаимоотношений в среде современной молодёжи. Пока длится обсуждение, любой посетитель может почти незамеченным нырнуть в чёрную железную дверь, спуститься по лесенке, миновать следующую дверь, пройти короткий коридорчик и оказаться в зале, заставленном большими столами, табуретами и стульями. У одной стены притулился кофейный автомат с дополнительной стойкой, заряженной всякими печенюшками, сладкими батончиками, чипсами и прочими снеками с сухариками, у другой рядом стоят шкафы для клубного реквизита.

Как всегда, по вечерам выходных здесь было многолюдно. На трёх теннисных столах двигали армии полководцы Боевого Молотка, за другими играли турнир картёжники, а ещё за парой столов кидали кубики любители настолок. Дежурный по клубу подклеивал траву на ландшафтный холм и лениво разьяснял тонкости правил стратегических игр новичкам. В углу только что закончился очередной модуль дээндэшников, и теперь партия подводила итоги кампании.

Водил местный гуру Дред Мороз. По меркам клуба, древний старик и динозавр, игравший ещё во вторую редакцию AD&D и ездящий на полёвки с замшелых девяностых годов. По слухам, он был даже на первых XII. Пусть не на ключевых ролях, но всё же.

Самым колоритным персонажем казался студент с расчёсанными сине-зелёными волосами до пояса. Летом он побывал на полёвке в Питере, а вернувшись, сразу объявил себя грибным эльфом со звучным именем Галоперидол. Вообще-то сначала он хотел назваться иначе, но Анальгин в тусовке уже был, а про Пурген было решено, что это скорее дварфийская фамилия.

Его новая девочка Маша только осваивалась в клубе, прозвища пока не заслужила и в разговорах почти не участвовала.

Другой яркий представитель клубной элиты был зело велик, вельми волосат, имел шикарную бороду лопатой, отзывался на позывные Дварф и Митяй. Хотя некоторые однопартийцы противились, он всегда принципиально играл только воином. Лишь очень изредка, когда его лично просил мастер, соглашался на должность клирика Отца дварфов Морадина.

Эрна, боевая подруга Митяя, ходила эльфийкой, рейнджером с тугим длинным луком и серебряной косой ниже пояса. По игре, конечно. В реале у неё была милая чёлка, закрывающая глаза, и русые волосы, рассыпающиеся по плечам.

Пятым игроком в партии был тоже старик по имени Колдун. Не такой древний, как Дред, но лет ему стукнуло уже сильно за тридцать.

Последним в команду пришёл Гоблин. Мелкий, худой и вредный. Уже участвовал в паре кампаний, но пока себя особо не показал. Излишне любил онлайн-игрушки, не понимая, что настолки – дело совсем иное.

Вокруг игроков сидели благодарные зрители.

– Мастер! Мастер! А мы экспу получили? На уровень хватит? – поинтересовалась Эрна.

– Хватит, – отозвался Мороз. – Так как вы дошли до башни, экзамен сдан, и через несколько дней вы получите жилеты тюнинов. Следующий модуль будем ходить по «Легенде семи колец». Завязка такая: вашу команду выбрали для службы при правителе страны. На этом основании рекомендуется взять уровень Придворного. Не обязательно, но это облегчит вам жизнь при дворе. Митяй, ты можешь поднять своё тайдзюцу на единицу. Обе кунаичи могут изучить одну технику гендзюцу. На следующей сессии скажете, какую. Галоперидол, твой ирьенин дорос до лечебных техник уровня В. Колдун и Гоблин получают либо новую технику ниндзюцу в изученных Стихиях, либо на уровень поднимают силу одной уже изученной.

– А можно я новую Стихию возьму? – попросил Гоблин.

– Ребята, пошли наружу, сигареты кончились, на остановке куплю. По пути поговорим.

Компания дружно вышла на улицу, но в зале их отсутствия не заметили. Ведь именно сейчас двадцать рекрутов Имперской гвардии дали залп в Экзарха тёмных эльдаров и добились его! Так легли кубики... Все обсуждали удачу гвардейцев и прикидывали вероятность такого броска. Поэтому долго никто не обращал внимания на шум с улицы.

Вдруг в подвал влетел окровавленный Гоблин, прокричал:

– В остановку иномарка!.. Колдуна насмерть!.. – И осел на ближайший стул. Народ ринулся наружу.

На следующий день в зале на стене появился портрет в траурной рамке. По верхнему краю было написано: «Помним. Скорбим», – а в нижнем углу друзья прикрепили Лист персонажа его последнего героя. На третий день листок оторвался и куда-то делся, а портрет провисел до самого переезда клуба.

Сотворение

Тьма, и в ней парю я. Вижу себя со стороны. Совершенно голый, только на чресла накинута какая-то тряпка. Рядом висят ползунки характеристик, почти как в генераторе персонажей. Все установки одинаковы, где-то в пределах первой трети шкалы. Я что, в игру попал?

Вдруг по мозгам бьёт команда:

– Рекрут! Парить по стойке «смирно»! Ясно?!

– Так точно, товарищ командир!

– Гусь свинье не товарищ! Обращаться «Ваше Верховенство». Ясно?!

– Так точно, Ваше Верховенство! Ясно, Ваше Верховенство!

– Думаешь, если припас заявку на будущую жизнь, сразу всё получишь? Твои желания тут рояли не играют, с ними только в сортир сходить, прочесть да подтереться. Но раз с заявкой, значит, станешь... Откуда ты? Ага, Земля, Советский Союз, теперь Российская Федерация... По-вашему говоря, сразу станешь ефрейтором. Не благодари, положено тем, кто с заявкой. Ну что, поищем тебе местечко потеплей?.. Смирно! Ваше Всемогущество, разрешите доложить! Поступил рекрут с заявкой на новую жизнь. Занимаюсь распределением на место службы.

– С заявкой? Значит, можно повысить в чине.

– Уже повысил, Ваше Всемогущество!

– Молчать! Не пререкаться, когда старшие командуют! Раз сказал – повысить, обязан повысить! Скажу офицером сделать – сделаешь! Ещё раз скажу повысить – опять повысишь! Разболтались тут! Пререкаться вздумали! Совсем страх потеряли!

– Виноват, Ваше Всемогущество! Глуп и туп, потому оплошал!

– Так-то... Откуда он?

– С Земли, Ваше Всемогущество!

– Земля... Зем... ля... Что-то такое знакомое.

– Песенка оттуда была популярна некоторое время назад. Про волшебника. Там целую эпоху называли по имени певички, так и говорят: «Эпоха Аллы Пугачёвой».

– А! Было-было! Сделать хотел козу, а получил... э-э... диплом... Миленькая вещица! Я тогда ещё, помню, с одной... Хе-хе! Давай сюда заявочку, подмахну.

– Вот, Ваше Всемогущество!

Чувствую волну жара, и в нём моё тело плавится, меняя форму. Кожа белеет. Волосы рассыпаются по плечам и приобретают цвет мела. Теперь я человек, причём весьма похожий на альбиноса. Ползунки Ловкости упирается в правый край шкалы. Интеллект немного дальше от края. Остальные характеристики в районе середины, но существенно не дотягивают до Интеллекта и тем более до Ловкости.

– Какой-то он у тебя дохлый получился, как бледная поганка. Просто глиста, а не гуманоид. Мне которые поздоровее больше нравятся.

– Виноват! У него в заявке так было написано. Сей момент исправлю, Ваше Всемогущество!

Ползунки, отвечающие за Силу и Выносливость, сдвигаются вправо почти до упора. На парящем манекене появляются чудовищные мышцы. Культуристы нервно курят в сторонке. Волосы, укоротившись, меняют цвет на чёрный.

– Теперь другое дело. Он что, воин? Хороший?

– Так себе, Ваше Всемогущество. Для их слабенькой техногенки сгодится, но судите сами – всего две руки и два глаза, да и те на одну сторону смотрят. Панциря с гребнем нет, рогов с когтями нет, хвоста и того нет. Про крылья, хобот и щупальца даже не вспоминаю. Какой он воин, Ваше Всемогущество?! Сплошное недоразумение!

– Да, пожалуй... Как там поётся? И всемогущий маг траля-ля-ля-ля-а... Милая песенка, право, милая! И та стервочка тоже была очень... Сделай его боевым волшебником... или целителем...

– Есть, Ваше Всемогущество!

Ползунки Интеллект, Запас маны и Скорость восстановления маны тоже устанавливаются на максимум.

– Ну вот! Теперь хоть на что-то приличное похож стал. Всё сам, всё сам! Эти, с позволения сказать, работнички ничего приличного создать не могут. Лет через двести доложи, как он там, лично проверю.

Напевая «миллион, миллион, миллион наглых рож с облаков, с облаков, с облаков видишь ты...», голос удаляется.

– Уф... пронесло! Понравился ему ты, а лишние хлопоты мне! Они только командовать могут, а мне выполняй. Твою заявку подмахнул не глядя, а ты там такого наворотил! А разбираться кому? «Всё сам»! Дай мне доступ к его ресурсам, я тоже всё сам сделаю. Тут за грань перерасхода по десять лет объяснительные пишешь, а он – «работнички, ничего приличного создать не могут». Могут! Дай мне возможность, я тебе такого наваяю! Ладно! Давай заканчивать с тобой. Он сколько раз «повысить» сказал? Три или четыре? Вроде четыре... Нет, пять плюс я один. И сразу в офицеры... Капитан получается. А кем делать-то? Боевым волшебником или целителем? А! Сделаю и тем, и тем. Он же диплом поминал? Будет два высших образования. Не знаешь, про что потом вспомнит и скажет: «Я же велел! Почему не исполнил?» Может и турнуть, желающих на моё место хватает.

Куда я тебя распределить хотел? Где заявки? Ага, вот... Здесь тебе не служить, должность спокойная, но для твоего ранга уже мелковата. Куда бы тебя направить? Давай-ка сюда. Жирновато для новичка, ну да ладно, мужик ты вроде ничего. Тут пашешь как проклятый эпоху за эпохой, никто и не заметит, а ты только пришёл – сразу столько всего от Его Всемогущества получил. Но тебе минимум двести лет там кантоваться... Сияние небесное! Двести лет! Вы столько не живете! Хотя ты же не совсем человек? Тень? Ладно, будешь жить, пока не убьют.

– Разрешите поблагодарить за заботу, Ваше Верховенство!

– Поблагодарить? Взятку хочешь сунуть? Мы тут взятки не берём!

– Никак нет, Ваше Верховенство! Не взятка, Ваше Верховенство! Подарок...

– Хм... Не положено. Хотя... Подарки не запрещены... Наверное, всё же взятку надеешься сунуть. Думаешь, мы тут такие, а мы не такие! Нутром чую, ты шельма та ещё, губа по тебе плачет... Но – хват, таких люблю! Если мелочь какая... сувенир там... презент на память... то ладно, присылай свою благодарность, разрешаю. Да не мне! Его Всемогуществу. Ну а я свой маленький кусочек по пути откушу и тебе кое-что оставлю. Значит, души тобой убиенных сразу к нам направляться будут. Местные, конечно, станут недовольство выражать, но ты у нас ничего себе стал, справишься с ними.

Глава 1

Первый день

Прибытие

Последним, что я запомнил из прошлой жизни, была машина, летевшая прямо на остановку. Потом провал сознания и воспоминание о генерации меня-нового. Кстати, где я? И кто я?

В памяти стал мелькать калейдоскоп образов. Теперь я Стах Тихий, юноша неполных семнадцати лет, единственный сын в дворянской семье почти угасшего рода волшебников. В папу черноволос, в маму голубоглаз. Слегка толстоват. Для своего возраста довольно умён, потому считаюсь заучкой и ботаном. Что ещё про себя вспомнить? Семья состоит из меня, отца и матери. Мама домохозяйка, папа служит доктором при городской больнице. К тому же он одарённый, а это круто, может пользоваться зачарованные вещи. Закадычных друзей пока не завёл, хотя есть пара-тройка приятелей и, как бы помягче сказать, бывшая подруга.

Из-за неё-то прежний хозяин тела и слетел с катушек. Утром, перед уроками, была тёплая сладость губ, мягкость упругой груди и ласковые слова, а после занятий она целуется уже с другим, рассказывая про меня всякие гадости. Я случайно за дверью оказался и услышал. В принципе, мне-теперешнему, бывшему взрослому человеку, наплевать да забыть. Но я-прежний совсем пацаном был, у него произошло крушение идеала. Вот он и выпил полную рюмку цианида. Быстрая смерть, говорят, лёгкая. Не знаю, само умирание в воспоминаниях вырезано.

Где взял яд? Вчера спёр в аптеке. Я у дяди подрабатываю по выходным и вечерами после гимназии. Кто-то решил использовать освободившееся тело и подселил меня. Память и знания предыдущего владельца остались. Хотя сколько там знаний у гимназиста, пусть и отличника? Воспоминания прошлой жизни сохранили. То, что было записано в Листе персонажа, дали, да ещё по приказу Его Всемогущества прилично усилили силу, выносливость, интеллект и магические характеристики. Теперь я синтез трёх человек: прошлого хозяина тела, иномирного подселенца и придуманного героя. Причём эта гремучая смесь сдобрена двумя высшими магическими образованиями, высшим техническим из прошлой жизни и почти законченной гимназией.

Когда генерировал себе протагониста, выпросил у мастера необычную расу. Мы ходили по миру Наруто, однако играли по доброй старой системе D&D. Разрешены были люди, эльфы, дварфы и прочие халфлинги. Гоблин взял дроу, а я решил, что есть кое-кто покруче илийтири. Нашёл на последней странице комплитника по Забытым королевствам шадовара – представителя расы людей, которые ушли на План Теней, а затем вернулись обратно. Мой персонаж, внешне похожий на обычного человека, в темноте или просто в тени превращается в супероружие. Двигается быстрее, лучше уворачивается, точнее попадает. Надёжней скрывается и легче обнаруживает опасность. У него появляется сопротивление заклинаниям, регенерация, темновидение, невидимость, умение прыгать по теням на приличное расстояние, возможность создавать иллюзорных двойников. К тому же он умеет приглушать вокруг себя искусственный свет. Даже раз в день телепортация на халяву есть.

Наша партия состояла из шиноби, которые одновременно были ещё и немножко волшебниками. Как вы думаете, кем меня заставили быть с такой расой? Светлым паладином? Сладкоголосым бардом? Мудрым друидом? Вором! Вором меня выбрали. Герой в бою издалека бьёт из короткого лука или арбалета, на средней дистанции кидает разные железяки, а в рукопашке отмахивается ниндзято, шинобиевским оружием или просто голыми руками. Кто манчкин? Я манчкин? Да, я манчкин. А что делать? В клубе иначе не поиграешь.

Мысленно осознав своё положение и приняв новую жизнь, видимо, я запустил процесс преобразования тела, слияния всех своих личностей и адаптации к миру. Процесс длился с полуночи до первого луча восходящего солнца. Говорят, утро добрым не бывает. Врут. Проведите короткую майскую ночь, изменяя организм под характеристики своего персонажа, затыкая подушкой рот от рвущегося крика, – тогда обрадуетесь любому утру. Всю боль многолетних тренировок, учебных поединков и боевых схваток, все спазмы натруженных мышц, все синяки, вывихи и растяжения, встреченные на пути к обретению звания тюнина, я получил сполна. Удивительно, как совсем не сошёл с ума! Зато утром полностью оказался соответствующим моему шиноби. Мягкий юношеский жирок переработался в могучие мышцы. В голове всплыли знания по магии, медицине, алхимии, ядам и многому другому тому, чем обязан владеть согласно Листу персонажа. Знаю, что тут не мир Наруто, о чакре здесь даже не слышали, в этом мире магия основана на мане. Заклинания дали не те, которые были на игре, зато то, что дали, предназначено для реальной жизни, и я помню их наизусть. Ещё помню много алхимических рецептов, разнообразных ядов и других полезняшек.

Получил реально много. С простой, без магии, боёвкой неплохо. Для дворян в гимназии уроки фехтования обязательны, но не слишком хороши, соответственно, я-прошлый фехтовал не очень. Вроде как у нас иностранный язык в школе – учишь несколько лет, а результат весьма посредственный. В прежней жизни в армии не служил, но из автомата на стрельбище пару раз стрелял. Однако здесь с огнестрелом не очень, больше магией пользуются. Но сгенерированный герой может в рукопашной немного выступить с чем-нибудь остреньким или даже вовсе без оружия.

Есть магия целителя и боевого волшебника. Отмазка для местных железная – пробудились родовые способности и по отцу, и по матери. Такое здесь в анналах описано, значит, подозрений быть не должно. Умение писать магические свитки считается делом обычным, хотя и непростым. Алхимия в почёте, многие из фармацевтов алхимики. Вот что родом из Теней, стоит скрывать. Тоже можно было бы списать на родовые способности дальнего прадеда, но здесь такие возможности пока не были известны.

Так что не буду богов гневить, всё прекрасно. Молодой, здоровый, к тому же хоть и мелкий, но дворянин. Много чего умею, много чего знаю. Неплох как лекарь. Силен как волшебник. А если уж совсем начистоту, то и как вор хорош. Что ещё человеку для полного счастья надо?

Есть и недостатки в моей ситуации. Например, семья не из бедных, но и не из богатых. Бедность всякая бывает – у одних каша жидкая, у других бриллианты мелкие, мы где-то посредине. Пока отец работает, деньги есть, но чтобы платить за учёбу в гимназии, нам приходится сильно экономить. Думаете, почему я отличник? Учиться нравится? Шцаз-з-з! Отличники только половину за обучение платят, а семье оно сильная подмога. Прислуга приходящая, приёмов не устраиваем, выезд не держим. Такая вот у нас благородная дворянская нищета, которой завидуют многие простолюдины. Но для большинства одноклассников такая жизнь – убожество и крайняя бедность, почти нужда, ведь у нас в основном учатся дети из обеспеченных семей, пусть далеко не все дворяне. Уже то, что карманные деньги сам себе зарабатываю, вызывает у них презрительное сочувствие.

Папа хочет, чтобы я поддержал семейную традицию и пошёл по медицинской части. Пусть с деньгами негусто, но определил меня в лучшую гимназию. Сейчас я её заканчиваю и собираюсь учиться дальше. На столичный университет денег не хватит, придётся доучиваться в провинции. Хотя теперь стали доступны и другие варианты. У меня-прежнего дар не пробудился, и он очень переживал. Сейчас я стал волшебником, а они востребованы. Тут с технологиями не очень, в основном магия рулит. Чародеев требуется много, а где их взять? В техномире инженера можно выучить, а чтобы магией управлять, обязательно надо иметь врождённые способности. Здесь по статистике на пять сотен людей один одарённый. Из десяти

одарённых лишь трое становятся хоть какими-нибудь волшебниками, а остальные способны только управлять магическими устройствами. Мой отец из таких.

Подъем

Размышления прервал зашедший в комнату отец. Здоровенный, сильный и крепкий мужчина. Брюнет с гривой густых волос, одетый в вытертую до белизны на швах домашнюю куртку. Подоидя к кровати, папа ласково взъерошил мне волосы:

– Вижу, успокоился? И правильно! У тебя таких красоток ещё столько будет!

– Ладно, пап. Забыли. Просто сильно перенервничал и успокоиться не мог. Ты это... маме ничего не говорил?

– Нет, конечно! – ненатурально обиделся он. – Я же обещал.

– Если проболтался, то больше никогда с тобой никакими тайнами делиться не буду. Ты говорил, что с любой неприятностью переспать надо. Вот пересплю разок и тебе ничего не скажу!

– Я тебе пересплю! Поросёнок, как у тебя язык такие вещи говорить поворачивается?

– Так сам велел! Я вообще-то про неприятность говорю, а ты про что?

Отец дал мне лёгкий подзатыльник, велел готовиться завтракать.

Много отличий от нашего мира. Сняв ночную рубашку, вместо трусов и майки надеваю нижнюю рубаху и кальсоны, потом домашние штаны с поясом-шнурком. Одежда без пуговиц и резинок, на матерчатых завязочках. Следующим посещаю заведение, где царит массивный унитаз с начищенным латунным бачком над головой и цепью с рукояткой на уровне руки. В умывальне кран на раковине тоже латунный, а вода только холодная. Зеркало в деревянной раме, и в нём отражается обычный паренёк, таких в толпе двенадцать на дюжину. Не красавец, не урод. Теперь он – это я. Но у прошлого не было могучих мышц, рельефно расположившихся на теле. Запястья стали шире, а костяшки кулаков неплохо набиты. Мышцы ладно, под рубахой не видны, а кулаки как обосновать?

На завтрак получил от мамы тарелку манной каши с вареньем, стакан чая и бутерброд с сыром. Про вчерашние слезы в отцово плечо она тактично «не знала» и именно поэтому относилась ко мне как к выздоровевшему после тяжёлой и продолжительной болезни.

– Ты помнишь, какой сегодня день? – спросила она.

– Угу. Понедельник.

– Забыл?! Ты не помнишь, что у вас будет испытание и экзамен?!

Точно, забыл. Прежний настолько расстроился, что даже не вспомнил о грядущей проверке магических способностей, хотя раньше её ждал и очень надеялся пройти. Однако не признаюсь в юношеском склерозе.

– Не, мам, помню. А не волнуюсь, потому что точно знаю, что я гений, будущий архимаг и повелитель гарема. И очень скромный. У меня всеобъемлющая, просто вселенская, можно сказать, божественная скромность.

Отец захохотал, а мать не удержалась и высказала:

– Скромник! Первый раз с девчонкой поцеловался и уже про гарем мечтает! – Потом поняла, как подставила отца, и смущённо замолкла.

– Проболтался! – ехидно высказал я и мстительно добавил: – Вот скажу маме, что ты велел переспать с этой неприятностью, будешь знать.

После этих слов не стал ждать подзатыльника, а сбежал к себе в комнату. Сегодня будет испытание, и начнутся выпускные экзамены. У меня отличные оценки и ни одного замечания в кондуите за все годы учёбы. Это очень хорошо для аттестата, а репутация умного, но безынициативного ботаника великолепна для характеристики. Странно? Ни капли. Инициатива среди молодых здесь не приветствуется. Вот когда послужишь да станешь начальником, тогда думай

и предлагай что хочешь. В рамках своего чина, конечно. У начинающего чиновника хороший почерк важнее ума. У армейского рекрута умение маршировать на парадах важнее меткой стрельбы. «Ибо не случайной меткостью побеждаем битвы, но плотностью залпа и ускоренной перезарядкой арбалетов», – так написано в Пехотном Уставе.

В гимназию требуется ходить в форме. Вообще в этом мире, во всяком случае в этой стране, форму носят все хоть что-нибудь из себя представляющие. Причём право на ношение надо заслужить. Не служившие – и бедные крестьяне, и богатейшие купцы – не имеют права даже на пуговицу с гербом. Поступив на службу, пусть рядовым солдатом или заштатным канцеляристом, ты начинаешь до конца своих дней с гордостью носить мундир на службе и вне её.

В отставке или сидя дома носи что хочешь. Однако выйдешь в партикулярной одежде погулять по городу – вдруг окружающие подумают, что ты какой-нибудь лавочник, а ты же цельный почталён! Обидно будет. Скандал может получиться. Потому военные, особенно не из богатых, только мундир и носят. И упаси тебя боги перепутать и одеться не по чину или, того хуже, в чужую форму. Если простолюдин, могут десяток горячих всыпать или недельки на две в холодную посадить. С благородными хуже: пара месяцев в крепости за надетый по пьяни чужой мундир – не самое страшное. Бывали случаи, за чужой галун из полка гнали. Кстати, и правильно делали; если своих цветов не ценишь, как с сотоварищами вместе в атаку пойдёшь?

Нам, гимназистам, положен тёмно-синий однобортный китель с брюками, украшенный кантом и шестью медными пуговицами. Ученикам реального училища дали того же цвета гимнастёрку, но без пуговиц и канта, а вместо брюк они носят шаровары. На этой почве очень завидуют, у нас с ними вражда и постоянные драки. Я-прежний, правда, драк избегал. Учащимся простых школ предписано ходить вольно, без формы. Они завидуют и реалистам, и гимназистам.

Натягиваю брюки. Ширинки нет, крой похож на матросский. Китель со стоячим воротником закрывает наглаженные брюки до середины бедра. Кожаный ремень с начищенной медной пряжкой обнимает талию. Завершает наряд фуражка с лаковым козырьком и кокардой. Кокарда, предмет зависти простолюдинов, положена только мальчикам-дворянам, а у девочек-дворянок отличительный признак – кружева на фартуке и манжетах. Чёрный кант и литеры «1КГ», то есть «Первая королевская гимназия», на кокарде, пряжке и пуговицах положены только нашей гимназии.

Взял немного денег из заначки себя-прошлого. С заработанного в аптеке, с непотраченных карманных денег, с подарков на дни рождения и прочих доходов он скопил разными монетами семь дукатов, восемьдесят три талера и пятьдесят грошей.

Золотой дукат равен двенадцати серебряным талерам. В талере шестьдесят медных грошей. Тратил мало: собирал деньги на магический артефакт. Боевой, конечно. Мечтал купить Жезл Молний. Сейчас волшебные жезлы мне не интересны, а вот пара метательных ножей не помешала бы.

Кстати, здесь нет бумажных денег. Не то что не придумали, давно нашлись умные головы, ввели однажды в одной стране ассигнации. Сразу оценили удобство и лёгкость обращения. Не хватает денег на королевский бал? Ерунда, напечатаем. Приём послов? Дайте сюда пару пудов бумаги! Случилась война? Э... Сдавайте налоги серебром, можно золотом, ваши красивые картинки казначейству не нужны, пусть мы сами их рисовали. Так хорошая идея и загнулась. Тут пуд медных монет стоит столько же, сколько пуд меди, а фунт золотых монет столько же, сколько фунт золота той же пробы. В теории, конечно. На практике любое государство накидывает к стоимости сырья процентов эдак двадцать-тридцать за чеканку. Зато инфляции нет, и расчёты между странами просты. Не вопрос обменять какие-нибудь тугрики на никому не известные брямбрики.

Вообще вариантов заработать у меня маловато. Приличные попаданцы чертежи любых механизмов с технологическими картами наизусть помнят. Из мусора, накопанного на ближай-

шей помойке, автоматы Калашникова делают. А я простейших рецептов из «Таинственного острова» Жюль Верна не воспроизведу. Даром что в детстве зачитал книгу почти до дыр. Многие из прибывших поют так, аж заслушаешься. Ноты и аранжировки любых песен за последние сто лет мигом изобразят, не говоря уже про идеальный голос и слух. Им денег добыть – как два пальца об асфальт. Мне же простейшего стиха с русского на местный не перевести. Ведь для перевода мало рифму подобрать, нужно притом разные правила стихосложения соблюсти. Хуже меня только бывшим спецназерам. Они обычно с самого дна мечом прорубаются, если «калаша» с собой не прихватили. Хорошо хоть Сталина нет, советы некому давать. Я историю только по верхам помню.

И как деньги зарабатывать прикажете? Скальпель с клистиром сделать основными средствами производства? Быть обычной посредственностью, из толпы не выделяемой? И лишь мечтать о карьере? Или пойти в армию, а через четверть века уйти в отставку капитаном? Правда, можно жениться на простолюдинке ради приданого. Но после такого мезальянса об уважении дворянского общества можно будет сразу забыть. Хотя вдруг покровитель, который сюда вытащил, для меня пару роялей в кустах припрятал.

Посмотрел на себя в зеркало, закинул ранец на плечи, получил мамин чмок и отправился на учёбу.

Дневник

В толстой тетрадке с переплётом из дорогой замши тонкие нежные пальчики перелистывают очередную страницу. В дневнике записано самое сокровенное, о чём не знает никто, особенно родители.

Ох уж эти девичьи секреты! Наверняка мама не догадывается, что в начале года появилась запись: «Очень нравится один мальчик». А затем на полях стали рисоваться и тут же зачёркиваться сердечки. Последнее произведение сердечного жанра пока не закончено. На нём изображены два сердца, пробитые одной стрелой, и под ними вензель из двух сплетённых букв «С» и «Ф». Рисунок расположился под записью: «Девчонки болтают, что С. целовался с Амалией. Врут! Кому нужна такая вульгарная девка?! Пусть не со мной, я уродка, но только не с Амкой! Не верю! Только не с ней! Я сама видела, как она лизалась с Робинотом!»

Дорога в школу

По дороге с улыбкой вспоминал удивлённых моим бесстрашием родителей. Я-прежний до дрожи боялся испытания, да и экзаменов тоже. Он вообще был ранимым, робким и трепетным. Сейчас, с точки зрения взрослого человека, я понимаю, что парень здорово себя недооценивал, девочки из класса на него благожелательно поглядывали, строили глазки, и кое-кто из них был бы не против лёгкого флирта. Конечно, чаще поглядывали не дворянки, а простолюдинки, но поглядывали же. Учителя его любят, с ребятами отношения нормальные, а когда просят списать, уважительные.

– Привет! – пытается кто-то сзади шлёпнуть меня по плечу, однако на автомате уклоняюсь.

Это мой приятель Роби со своей сестрой Марги. Они близняшки, и мы учимся в одном классе.

– Привет, Роб! Привет, Мар! Что ты так вырядилась?

– Про испытание забыл?

– Помню. А наряжаться зачем? Приказа о парадке не было, могут погнать переодеваться.

Марги в нарядном фартуке и с белыми бантиками в кудряшках смотрится весьма симпатично. С ней дело ясное, девчонкам только дай повод надеть яркую тряпочку и перед мальчишками покрасоваться. Она правильно поняла мои мысли и сразу стала оправдываться:

– Сегодня надо выглядеть прилично. Вдруг у нас дар откроется.

Я посмотрел на них Взором и с отрицанием покачал головой:

– Извините, ребята, вам пройти испытание не грозит. Мы, чародеи, своих сразу узнаем.

Близнецы синхронно фыркнули на «мы, чародеи», но не стали отвечать на мой прогноз, тем более что к нам присоединилось воздушное создание по имени Амалисандра, Амалия или просто Ама. Позавчера даже Амочка. Ребята поздоровались, а я просто кивнул. Моё молчание Амалии не понравилось, она привыкла к другой реакции.

– Стах, ты чего такой тихий сегодня? Оправдываешь фамилию?

– Зачем тебе слушать «слабака, при встрече с девочкой распускающего слюни по колену»?

Прежний попытался бы сделать вид, что не знает о подслушанном разговоре, но я решил сразу расставить все точки над «i».

Щеки Амы вспыхнули багровым румянцем. Она вспомнила, когда, кому и при каких обстоятельствах выдала это изречение. Марги наострила ушки. У девочки нюх на свежие сплетни. Один Роби ничего не понял:

– Ну ты сказанул! Это про кого так?

– Это Амалисандра про меня.

Добрая Марги, хлопая длинными ресничками, я даже почти верю в её наивность, про-светила братика:

– Наверное, Ама так Дену про Стаха сказала, когда она с ним в субботу в классе после уроков целовалась.

Ну вот! Оказывается, только для меня было открытием, что Амка целовалась, а кое-кто давно в курсе.

– С Деном?! Целовалась?! – Мой приятель надулся и обиженно посмотрел вслед резко набравшей скорость Амалии.

– Ага! Она уже с тремя мальчиками целовалась. С Деном, с Ромом и Сержем. Роби, ты с ней тоже? – Мой приятель густо покраснел. – С четырьмя?! Интересно! Стах, ты не в курсе, с кем ещё?

– Откуда я знаю! – Теперь настала моя очередь густо краснеть.

– С пятью?! Ну Амалия даёт!

От продолжения разговора меня спасло только то, что мы дошли до гимназии и подруга увидела выходящую из ландо Рябу – Фриду Губерласк. Она тоже наша одноклассница. Девочку за глаза зовут Рябой из-за уродливых оспин на лице. Марги коршуном бросилась к подруге и стала что-то шептать на ухо. Та заинтересованно слушала. Бедная, бедная Амалисандра! Сейчас ей как следует перемоют косточки.

В этом мире школа важна, ведь дворянин обязан служить. Лишь серьёзная болезнь может стать основанием для отказа. Разве только поместные могут одного сына оставить управителем имущества. Правда, никаких отсрочек от уплаты налогов, вспомоществований от казны за неурожай или падеж скота тогда ждать нельзя. А всю жизнь подписываться «не служивший такой-то» мало кому по нраву, непочётна подобная подпись, вроде как подписаться «дебил Петров» или «никчемушник Сидоров».

Служить можно по статской или военной части. Если ничего не умеешь, иди заштатным канцеляристом или рядовым в полк. Года через три можно будет проситься в отставку. Скорее всего, отпустят, но уважения общества раннее увольнение со службы тебе не добавит. Совсем не хочешь служить – подай прошение в канцелярию Дворянского собрания, и тебя вычеркнут из реестра, станешь простолюдином – те служить не обязаны.

Статским служить не сахар. После реального училища можно пристроиться вне штата кандидатом на классный чин, но в провинции, где образованных мало. Выпускники обычной школы должны для кандидатства предварительно выдержать экзамен. Зато выпущенные из классической гимназии по второму разряду могут сразу претендовать на чин четырнадцатого класса, а по первому даже тринадцатого. Моя Первая королевская гимназия и ещё пара привилегированных школ дают образование по университетскому курсу словесных наук. Выпускники первого разряда получают степень кандидата и право на чин одиннадцатого класса, а окончившие по второму производятся в действительные студенты и мечтают о двенадцатом классе. Притом дворяне могут рассчитывать на чин классом выше, а волшебники претендуют на производство через один класс.

На военную службу после школы только в рядовые возьмут. Если закончил реальное училище, то дадут унтер-офицера, а коли с отличием экзамены сдал, можно надеяться получить портупей-юнкера в артиллерии. Выпущенным из гимназии можно рассчитывать на чины того же класса, что по статским разрядам. Соответственно, после нашей гимназии аж на пехотного капитана можно губищи раскатать или на поручика гвардии. Вы бы поверили в семнадцатилетнего капитана? Ну и здесь тоже никто не верит, кандидатов в офицеры направляют в юнкерское училище, а вот после него присваивают чин прапорщика, максимум подпоручика. То есть звания 14-го или в лучшем случае 12-го класса. А продвижение в армии небыстрое, вакансии освобождаются редко.

Грубо говоря, если я закончу по первому разряду, то в теории могу сразу получить чин девятого класса. Точнее, право имею, но кто же звание без места даст, категорически запрещено это. Причём вакансий в штате любого казённого заведения не хватает, а желающих поступить на место полно, и многие с длительной выслугой и с большими мохнатыми лапами. Некоторые по десять-пятнадцать лет в заштатных служащих ходят, ждут освобождения должности. Так что лучше учиться дальше: после вышки, обученным специалистом, легче пристроиться, хотя тоже непросто.

Похожий путь проделал и мой отец. Закончил гимназию, поступил в Академию целительства и алхимии. Только из-за того, что одарённый, после получения диплома его взяли в ординатуру столичной больницы, но дали лишь двенадцатый класс. Он уже почти восемнадцать лет отработал и числится по десятому. А шанс прыгнуть в штаб-офицерские чины он имеет, да. Ещё лет десять-пятнадцать отпашет и получит перед самой пенсией. Может быть. Если место освободится и на него блатного со стороны не сунут.

Шагистика

На первом уроке класс собрали в актовом зале. Там мы должны представиться экзаменаторам. Со звонком зашла комиссия – три учителя не из нашей гимназии, два чиновника и старенький генерал. К ним добавились три наших учителя, директор и школьный инспектор. Ученики построились, и представление началось. Вызывают сначала девочек, потом мальчиков, с худших по успеваемости до лучших. Я самый лучший и пойду последним. Девочки просто подходят, делают реверанс и называют свою фамилию. Мальчики сначала по команде маршируют, обходя зал по трём сторонам, затем встают по стойке «смирно» и только потом называются.

После девчонок первым, с откровенной ленцой, пошёл Ромул, главный хулиган и двоечник класса. Генерал недоволен фыркнул и скривился. После Рома, с разной степенью волнения, стали проходить остальные. Кто маршировал лучше, кто хуже. И вот последним выходит такой крутой и красивый я. Народ, правда, пока об этом не знает. В смысле о крутизне и красоте. О моём дипломе военно-магическом тоже. Команда «Марш!», и я пошёл. И как пошёл! Три шага в две секунды. Не сгибая колен. Вытягивая мыски. Руки поднимаются синхронно

ногам, до уровня груди. Дохожу до стены, задержка, чёткий поворот, задержка, печатаю шаг до следующей стены, задержка, поворот. На меня смотрят, потому лицо каменное, взгляд точно перед собой. Возврат обратно к трибуне. Такой шаг прозвали «гусиным», обычно курсанты так на парадах маршируют. Дохожу до финальной линии, чётко представляюсь и замираю в стойке «смирно».

Генерал спрашивает:

– Он первым номером выпускается?

– Так точно! – рапортует школьный инспектор.

– За дело, – соглашается старый вояка. – С такой маршировкой хоть сейчас в гвардию.

А то другие ходят как стельные коровы по льду. Какие они образованные, если строем ходить не умеют?! Запишите ему от меня рекомендацию в гвардию. Лови! – кидает дукат.

Продолжаю стоять.

– Чего не берёшь? Брезгуешь?

– Ваше превосходительство! Из стойки «смирно» брать что-либо запрещено, ваше превосходительство! – рапортую я.

Не брезгую, просто слышал про этот прикол: сначала хвалят, потом наказывают за нарушение стойки без команды. Два «превосходительства» в одной фразе – оно, конечно, грубая лесть, но генералу нравится.

– Молодец! Службу знаешь туго! Вольно! Велю, бери.

– Премного благодарен, ваше превосходительство!

Вновь отдаю честь и на миг опускаюсь на одно колено. Встаю, а монета уже в кармане.

– Хорош. Маршируешь славно. Табель дай.

Достаю из ранца дневник и протягиваю его, одновременно со мной инспектор подаёт кондуит, а директор – классный журнал. Экзаменаторы берут документы и дружно листают.

– Ну что, – резюмирует генерал, – учиться отлично, поведения примерного, шагистику знает неплохо. Для штатского, конечно. А дайте-ка мне бумаги вон на того шута горохового, – тычет пальцем в Рома, – посмотрим, каков он герой.

Ромул попал. В отчёте нужны как положительные, так и отрицательные примеры. Один из пришлых водит пальцем по кондуиту и что-то шепчет генералу, тот багровеет и ласковым голосом громко вопрошает:

– Сто двадцать четыре замечания за год? Такого одобрить никак не могу. Одет не по форме. Учиться не желает. Поведения преотвратного. Ленив, даже марширует вразвалочку. До экзаменов не допускаю, не заслужил. Разрешаю дать справку, что весь курс баклуши бил. И в характеристике от моего имени прямо так и напишите: «Ни к какому делу негодящий, дурного нрава, весьма глуп и крайне ленив». Может, тогда задумается, как дальше жить будет.

Видно, что многие жалеют Рома, а по мне, он просто дурак. Имея такого папочку, можно плевать на учёбу, но хоть элементарные правила надо соблюдать.

Глава экзаменационной комиссии – отставной генерал, он всего достиг, ему больше ничего не нужно, его не подкупить. Именно потому он назначен на столь важную должность. Учишься плохо? Поведение хреновое? Так хоть не выделяйся на фоне класса. Генералы не те люди, перед кем стоит показывать крутость. Промаршировал бы нормально, может, и обошлось, никто бы тебя не заметил.

Опять же одежда! Ромул у нас «тонняга», «тонный», «держит тон», то есть одевается по самой последней гимназической моде. Фуражка с плоской тульёй мала, измята и еле держится на затылке. Плетёный офицерский шнурок, не положенный ученикам, лежит на козырьке с заметной трещиной. Околышек чуть не вдвое уже положенного. Приталенный китель носится с укороченными до последней возможности лапами. Брюки заужены до такой степени, что напоминают рейтузы. Причём пошиты из дорогущего материала у хорошего портного. Многие

наши пытаются так ходить, но не в тот день, когда гимназию проверяет комиссия из министерства.

Ром выпендрился – и куда теперь пойдёт с такой характеристикой? Считай, карьера порушена, не начавшись. Он в гимназии держался только за счёт уважения к чину отца, надеялся выпуститься третьим разрядом и поступить в юнкерское училище. Теперь его примут разве только рядовым в полк, и то не в гвардейский. Справку о грамотности ему дадут, а она соответствует уровню простой школы. Значит, экзамен на чин 14-го класса придётся сдавать. И сколько лет в продвижении он потеряет? Восемь? Десять? Подумать страшно!

Экзамен. Словесность

Сегодня на втором уроке у нас экзамен по словесности. Кстати, уроки по полтора часа. Перед третьим уроком большая перемена с обедом, затем – испытание на одарённость. Завершит день объявление результатов первого экзамена.

В классе перед доской расставлены стулья для комиссии. Классный надзиратель выдал каждому ученику по три пронумерованных и опечатанных листа, а затем начался урок. Директор лично написал на доске восемь тем сочинений. Первая – «Значение произведения “Победа герцога Ильда IV в битве на переправе у Вивора” и его вклад в современную литературу». Насквозь патриотическое произведение, про времена становления нынешней династии. Последняя – «Лирика поэмы “Белая роза и два цветка чертополоха” с раскрытием характеров главных героев». Карамельно-приторная история о том, как два брата-близнеца любят её, а она не может выбрать между ними. В конце все умерли. Точнее, братья пошли на войну и погибли, а она отравилась от любви к ним. Остальные темы – подобие первой или последней. Ещё можно взять свободное сочинение и написать что хочешь.

Что выбрать? Свободную тему на фиг. Она скользкая, чуть что не так сформулируешь – объявят вольнодумцем. Последняя тема для девчонок. Беру первую – к ней материалов много, мы её два раза проходили. Значение огромно, эталон для батальных писателей. Цитата из высказывания Кинделя VI Миролюбца про «личность Ильда IV Собирателя Земель – пример для современных корононосителей». Цитата из книги Альмору Прекрасной про «обзор методов ведения войны того времени, не утративший актуальности и сегодня». В заключение вставлю цитату из газеты. Мы почему второй раз вернулись к «Победе»? Его королевское высочество принц Лагоз изволил написать статью о значении произведения для подрастающего поколения. Зря, что ли, я чуть не наизусть текст статьи заучивал? Вот сейчас и пригодилось. От себя кроме предлогов и запятых ничего не привнёс. Весь текст состоит из цитат и пересказа учебника.

Единственно шиканул: каллиграф я или где? В академии шиноби чему нас учили? Написал канцелярским готиком. Такое разрешено – чем сложнее шрифт, тем выше оценка. Кроме словесности за сочинение ставят ещё две отметки: по чистописанию и грамматике. Они считаются главными науками. Следующая по важности – математика со статистикой. Остальные предметы менее важны.

Как время закончилось, надзиратель сразу собрал листы и положил мою работу поверх трудов остальных учеников. Он весь урок гулял по классу, видать, заметил, что пишу готиком, и решил первым показать моё сочинение проверяющим.

Едва вышли, двинулись в столовку питаться: большая перемена для того и нужна. Быстро рассаживаемся за столом, и подавальщица обносит нас тарелками. Получаю жирную фасолевую похлёбку, полную тарелку разварной ячменной каши, щедро политой густым соусом с кусочками мяса, ломоть хлеба, пирог с картошкой размером в лапоть и кружку холодного яблочного компота. В обычный день кормят похуже, но совсем ненамного. Тоже вкусно и

сытно. Здесь постов нет, религия другая, но всё едино из шести учебных дней три кормят рыбой. Думаю, в основном по причине экономии.

За едой разговоры только про сочинения. Многие ребята, как и я, взяли «Победу». Девчонки, за крайне редким исключением, писали про любофф. На свободную тему замахнулся лишь Август. Он не признался, о чём писал, только таинственно подмигнул и заверил в неизбежности получения тёплого местечка.

– Такие люди, как я, ценятся. Мне даже выбор предложат, – несколько самоуверенно заявил автор. – Главное, надо обратить на себя внимание, а дальше карьера неминуемо положительно сложится. Так что, ваши благородия, через несколько времени готовьтесь называть меня высокочтимым.

«Вашим благородием» и «высокоблагородием» положено называть соответственно штаб – и обер-офицеров из дворян. Простолюдинов в тех же случаях титулуют «досточтимый» и «высокочтимый». Правильно: как можно быть благородием, не родившись в дворянской семье?

Из других отличий между служащими разных сословий есть лишь пара деталей на униформе. Жалованье одинаково, пенсии назначаются по тем же правилам. Хотя, честно говоря, при прочих равных дворянам легче продвинуться по службе. И, в отличие от нашего мира, получение чинов не даёт никаких прав на дворянство. Дворянином можно стать только по пожалованию государя, утверждённому единогласным решением Дворянского комитета. Единогласным! Посему новые фамилии в Бархатной книге появляются крайне редко.

Испытание

После обеда класс опять выстраивается, вновь в актовом зале. Туда принесли стол, покрытый бархатной скатертью. Разложили пёрышки, установили подсвечник с незажжённой свечой и треножник, держащий Кристалл Испытания. Испытуемому надо взять его в руку. Камень определяет наличие магии и записывает спектр ауры. На кого среагирует, тот может попробовать зажечь свечу или поднять перо. Опять вызывают против списка, с худшего по успеваемости до лучшего, но уже без разделения мальчишки-девочки. Я вновь иду последним. Довольно ожидаемо – ни на кого ничто не работало.

Народ быстро расслабился. Действительно, сколько можно смотреть на одно и то же. Но тут выхожу я и устраиваю представление. Небрежный пасс рукой, и кристалл вспыхивает лазурным светом. In Por Ylem! С указательного пальца выстреливает белый сгусток, попадает на фитиль свечи и зажигает огонь. Ort Por Ylem! Все перья поднимаются вверх и начинают плавно кружиться в хороводе. Моя раскрытая ладонь над пламенем свечи. Секунда, две, пять, десять. Отчётливо воняет горелой плотью. Но я продолжаю улыбаться, а хоровод не перестаёт кружиться, пока волшебник постарше не гаркает: «Хватит!» Пёрышки ложатся точно по своим местам. Демонстрирую ожог на ладони. In Mani! Четверть минуты, и на его месте появляется свежая кожица. Поклон, а затем возвращение в строй. У присутствующих здесь гимназистов челюсти на полу и глаза по пять грошей... Нет! По полтиннику!

Молодой волшебник констатирует:

– Концентрация абсолютная. Великолепный контроль. Телекинез тянет круг на третий. Однако Лечение и Стрела не выше первого. Запаса маны, думаю, хватит на исполнение четвёртого, скорее даже пятого круга.

– Шестого, не меньше, – поправляет старший. – Потом пробник напечатаем, увидим точнее. – И командует: – Подойди. Остальные свободны.

Лишние ушли, мы остались втроём, и волшебники начали допрос:

– Когда у тебя началось пробуждение Дара?

– Больше полугода назад. Я с температурой лежал, и случилась спонтанная инициация. – Правильные ответы на вопросы мне кто-то заложил в память.

– Понятно. Почему никому не рассказал?

– Так сразу бы в гильдию на проверку потащили, а за неё два дуката берут. Денег в семье лишних нет. Решил испытания подождать, всё едино проходить, а за него корона платит.

Молодому не понравился такой резон, и он сухо продолжил допрос:

– Где заклинания узнал?

– По чуть-чуть вспоминаю. Но пока только начал. Думаю, родовая память. У меня отец из целителей и мать из стихийников.

Экзаменаторы немного успокоились. Раз я из чародейской семьи, значит, свой. В таких семьях родовые умения хоть редко, но пробуждаются.

– Что вспоминаешь?

– Есть магия Жизни, но действует только на людей, и стоит полный запрет на поднятие нежити. Это по отцу, Варину Тихому. Ещё проявляется магия Стихий. Причём стихийные заклинания легко трансформирую в огненные формы. Это, похоже, по матери, урождённой аус Хансал.

Волшебники совсем расслабились. Известный и многочисленный род по матери, а по отцу пусть слабый и почти заглохший, зато весьма древний. По игре мой персонаж знал стандартные трюки, преподаваемые учащимся шинобиевской академии, а из боевых пользовался лишь тремя техниками Катона, то есть Огня. Заряд Пламени – огненный шар, эффективный против одного сильного противника, Испепеление – мощное площадное заклинание и Дыхание Дракона – конус огня против толпы мелочи. Теперь знаю больше, пара высших магических образований всё-таки кое-что даёт.

– Слова активации что значат?

– Ничего. Сам придумал, чтобы на привычные слова не были похожи. – Не могу же я сказать, что в другом мире была древняя игра «Ультима», из неё взял ключи на схожие заклинания.

– Ясно. Что у тебя самое мощное?

– Для лечения есть Лечащие Руки, но не использовал, просто боюсь. Для боя – Испепеление. Облако Огня сжигает органику на расстоянии шагов в пятьдесят-семьдесят.

– Концентрация тоже врождённая?

– Нет. Как инициация случилась, специально тренироваться стал. Подниму заклинанием что-нибудь и хожу босиком по сухому гороху. Держу предмет, стараюсь не уронить, а сам в это время читаю. Потом стал учиться боль терпеть. Свеча – ерунда, про неё знаешь, просто терпишь, и всё. Вот когда неожиданно иголкой ткнут, трудно не уронить.

Меня похвалили, выдали свидетельство с подтверждением открытия родовых линий Тихих и аус Хансалов и отправили на следующий урок.

Разнос

Когда вернулся в класс, узнал, что мой авторитет поднялся на недостижимую высоту после того, как Август с Деном поспорили, кто дольше руку над свечкой продержит, и оба продержали секунды по три.

Кое-кто из одноклассников хотел узнать, что сказали чародеи. Другие интересовались, как я дошел до жизни такой и не могут ли они тоже в волшебники податься. А Серж даже попросил:

– Колдани что-нибудь, а?

Предлагаю:

– Если найдёте жемчужину, могу чуток Фриду полечить.

– Шрамы от оспы не лечатся, – с тоской отозвалась девчонка.

– Да? Это тебе целитель сказал? Не буду с ним спорить. Уговаривать тебя тоже не стану. Моё дело предложить, твоё – отказаться.

Фрида сразу вытянула заколку из причёски. Серебро и жемчужина. Перочинным ножом отжимаю лапки держателя, вынимаю жемчужину, а оправу возвращаю хозяйке. Потом разминаю кисти и делаю несколько изящных, красивых пассов. На самом деле отвлекаю внимание, чтобы незаметно спрятать жемчужину между пальцев, а затем перекинуть в карман. Она нужна для другого заклинания: денег на реагенты нет, вот и приходится крутиться. Честно говоря, мне не стыдно за обман. Семья Губерласков богата, может позволить себе заплатить за лечение дочери.

На тыльной стороне правой кисти у Фриды большая оспина. *Vet Corp!* Накладываю Маленькую Смерть на девочку. Жизненные процессы замедляются, несколько минут она не будет ничего чувствовать, мешать лечению – тоже. Моя правая ладонь окутывается зелёной дымкой. Пальцы ложатся на рытвину. Держу заклинание дольше, чем действительно необходимо. Работаю на публику, создаю впечатление, что творю сложные чары. Через несколько секунд привожу в сознание Фриду и заканчиваю выступление, устало откидываясь на спинку парты. Может, стоит в артисты податься?

На месте оспины ровная, гладкая кожа. Правда, белёсая, как брюхо жабы, но даже следа от шрама не осталось. Под восторженное оханье зрителей и радостный вскрик Фриды перебираюсь за свою парту.

На оглашении оценок генерал начал с Августа.

– Это ты на экзамене свободную тему взял?

– Так точно, господин генерал, – сбившись от волнения, признался одноклассник.

Взрослые переглянулись. Это ж надо так в душу плюнуть! Какой-то юнец формы обращения совершенно не блюдёт. Конечно, мы в гимназии наших величаем «господин директор», «господин учитель», но генерал-инспектора просто «господином генералом» назвать... Он бы его ещё «любезным» кликать начал. Ой, сейчас что-то будет!

– Дворянин?

– Никак нет!

– Оно и видно! Маршируешь, как хромой козел! Пишешь как курица лапой. За чистописание с грамматикой получил «посредственно». Зато на казённых листах накорябал: «Как обустроить страну». Вместо того чтобы шагистике поучиться, ты даже сопли не вытер, сразу побежал страну обустраивать. Сами! Мы сами, без сопливых разберёмся, как государством управлять! – Голос генерала грохотал. – Вольнодумец и смутьян! От экзаменов отстраняю! Аттестата не выдавать! Включить в запретительный циркуляр! Волчий билет будет тебе наградой за сочинительство! Инспектор! Этого сопливого обустраивателя отдать под гласный надзор полиции! А вы, господа, – обратился он горящий взор на наших педагогов, – вижу, устроили в гимназии рассадник крамолы и свободомыслия! Мы этого не потерпим и так просто не оставим!

Голос Августа, лепечущий жалкие слова оправданий, перекрыл могучий рык школьного инспектора:

– Вон из класса!

Педагогов жалко. Им не позавидуешь. Из-за одного идиота теперь всю гимназию трясти будут. Мы-то уже закончим, а оставшихся на следующий год проверками замучают.

Схватка

Больше неожиданностей не было. Нам объявили оценки и распустили по домам. У меня «отлично». До конца недели мы должны будем сдать остальные экзамены. Теоретически, с

учётом годовых оценок, я претендую на золотую медаль. Что её дадут, не верю. Будет аттестат с отличием, выпущусь первым разрядом – и слава богам.

Собираюсь домой, вдруг подходит Фрида.

– За мной родители должны приехать, давай я тебя им представлю, – предлагает благодарная пациентка.

– Стоит ли? – сомневаюсь я.

Вообще-то кокетничаю и набиваю себе цену. Покровитель мне не помешал бы. Почему предлагает представить, понятно – целитель. Мы многим интересны, а я пока свободен и ни с кем не связан.

– Стоит-стоит! – обещает девочка.

Мечты, мечты, где ваша сладость? Родители действительно ждут дочку в карете. Но едва Фрида попыталась меня представить, мамаша её перебила и истерически высказала:

– Молодой человек, я требую, чтобы вы прекратили любые отношения с моей дочерью!

С чего она так взъерилась, не знаю. Дворяне себя так не ведут. Без повода уж точно. Срываться на случайного человека просто неприлично, пахнет самодурством. Где манеры? Где обхождение? Опять же, я хоть и небогатый, но всё-таки дворянин. Ладно, проехали. Земля круглая, а жизнь долгая, сочтёмся когда-нибудь. Ухожу от семьи Губерласков, бросив на прощанье:

– А вот сейчас очень обидно было! Впрочем, обещаю впредь не иметь никаких дел ни с вашей дочерью, ни с вашей семьёй. Мне придётся извинить себя за напрасно потерянное на Фриду время.

Обидно, досадно, но... ладно! Переживу! Почему ни с того ни с сего на меня всех собак спустили, понять не могу. Размечтался тут, понимаешь... Покровитель, служба, деньги... Губозакаточный механизм не хочешь? Поверил, что девчонка мне покровителя может помочь найти, теперь вот иду как оплётанный.

Хотя... В сухом остатке на сегодня у меня остался генеральский дукат. По закону компенсации в среднем то на то и вышло. Получил золотой и незаслуженный выговор – вместе они компенсировали друг друга.

Я нащупал подаренную монету и отправился кутить. Причём пошёл не обычной, а короткой дорогой, по переулкам, срезав сразу три улицы. Мальчишечье желание купить на наградные деньги подарок родителям вело меня по узкому тротуару, вдоль брусчатой мостовой, к гнезду кулинарного порока и разврата, известной кондитерской «Восточные сладости». Фисташковая халва или абрикосовая нуга? Вот в чём вопрос! Это тебе не сочинение, тут хорошенько подумать надо. А может, махнуть рукой на все условности дворянского быта и гульнуть по полной? Взять и то и другое... И ещё... верх разврата... ванильную пастилу.

Свернул в переулок и стал любоваться идущей впереди, шагов за тридцать от меня, незнакомой девушкой. Одеты не в ученическую форму, а в дорогое платье из персикового муслина. Длина юбки консервативная, две ладони от земли. Видны симпатичные полуботики на каблучке высотой в три пальца. Изящная шляпка с бантом из атласной ленты и с вуалеткой. Эх! Где мои двадцать пять лет! Хотя... Не! На фиг! Рано в шестнадцать о девчонках думать, у меня ещё вся жизнь впереди.

Вдруг трое выскочили из тёмной арки. Двое схватили незнакомку за руки и стали тащить во двор, а один затыкал ей рот, чтобы не было слышно девчачьего писка. Я крикнул: «Быстро отпустили!» – и резко ускорился. Из темноты двора выбежал четвёртый с ножом в руке, но я уже рядом. Нож летит сверху. Левым предплечьем блокирую правую руку противника, своей правой захватываю его запястье. Он уже готов, просто пока не знает об этом. Левая держит руку неприятеля чуть ниже локтя. Полшага вперёд, полуприсед и поворот на сто восемьдесят градусов. Его правая разворачивается вверх, локоть лежит на моём плече. Резко поднимаюсь, одновременно дёргая захваченную руку вниз. Дикий вопль и хруст выламываемого сустава.

Нож не выбиваю, он сам падает из сломанной руки. Описание приёма дольше читается, чем он проводится.

Отпускаю противника и с разворота бью ногой в висок парня, зажимающего девчонке рот. Из экономии, чтобы меньше снашивались ботинки, на мыске и каблуке набиты металлические подковки. Сейчас они пришлись весьма кстати. Два – ноль в мою пользу. Налётчики уже поняли, что дело идёт не по плану, оттолкнули девчонку и пошли в атаку. У одного дубинка, другой крутит гирьку на цепочке с заточенными звеньями. Девушка сильно напугана, но держится, даже не ревет. Кричу ей: «Беги, дура!»

Сам дурак, нельзя отвлекаться. Гиря летит в голову девушки. Еле успеваю подставить руку. Цепочка меняет направление. Рукав рвётся, китель на выброс. Пока свободный конец не хлестнул мне по лицу, успеваю подумать: «И в чём завтра на учёбу идти?» Искры из глаз, дикая боль и кровь, заливающая лицо. Оставшаяся парочка пытается сделать ноги. An Por Grav! Синеватое облако накрывает беглецов. Они уже никуда не бегут. In Mani! Лечение на себя. Силы кончились, мешком опускаюсь на землю. Последнее, что чётко вижу, – как крепкий мужчина в партикулярном костюме, с тросточкой прячет за себя спасённую незнакомку. Не! Не трость это, в трости не бывает клинка.

Дальше всё смазано. Свистки полицейских. Меня аккуратно поднимают, куда-то несут, и кто-то обещает:

– Мы тебя сейчас в больничку. Крепись, паря.

– Не надо, – возражаю я, – завтра экзамен. Кинул Лечение, скоро буду в порядке.

– А эти?

– Паралич. – И, предупреждая следующий вопрос, поясняю: – Ещё минут пять будут неподвижны.

Меня куда-то везут, потом раздевают. Кто-то начальственный кого-то распекает. Как из-под ватного полога голоса:

– Раненого приготовить к приезду целителя. Ясно?

– Так точно, ваше превосходительство!

– Смотрите мне тут! Чтобы ни в чём отказу не было! Доклад ежечасно!

Я ещё глубже проваливаюсь в серое небытие. Потом размытое лицо склоняется ко мне: «А здесь у нас раночка. Сейчас мы её...» Резкая боль, и наконец блаженная тьма накрывает меня.

Марги

Если хочешь что-то от кого-то получить, надо ему что-то отдать взамен. Марги давно это усвоила. Дочь богатого торговца понимала цену отношений «ты – мне, я – тебе» лучше многих в классе. И она понимала, что папин капитал не слишком велик на фоне состояний отцов большинства одноклассниц, а добиться уважения можно только чем-то конкретным и полезным. Девочка отвоёвывала себе место в школьной иерархии, обменивая информацию на что-нибудь равноценное. Свежая сплетня, серебряная булавка или приглашение туда, где полезно засветиться, а иногда и просто пара талеров – любой желающий мог найти способ расплатиться с девочкой. Вот и классная надзирательница с удовольствием поменяла сплетню о поцелуйчиках Амалисандры на рассказ о реакции волшебников на новоявленного чародея. А ведь за эту информацию можно много чего получить у одноклассниц, да и не только у них.

Что бы ни думали тщеславные мальчишки, девочками они давно были измерены, оценены и выстроены по ранжиру. Тихий там стоял, может, не на последнем месте, но очень недалеко от него. Отец беден, рода со связями за семьёй нет, да и сам парень слишком скромн. С такими данными карьеру не сделаешь. Единственно, дворянин своим званием может осчастли-

вить тщеславную простолоудинку. Так и то лет через шесть. Состоящим на службе запрещено жениться до 23 лет. В общем, так себе партия.

Однако одарённость заставила девчат из простых задуматься. А когда станет известно, насколько Тихий сильный волшебник, то и дворянки запрыгают зайчиками. Волшебник без связей и, главное, без обязательств. Пользующий заклинания шестого круга! Такого всякий род приютит. Что до шести лет ожидания... В любой семье найдётся какая-нибудь несговоренная дочка или племянница.

Фрида

– Мама, ты что натворила?! Зачем на него так накричала? С чего вообще ополчилась на человека? Стах обиделся, ушёл и больше не будет иметь с нами дел!

– Фрида, ты должна понять, что молодой человек не нашего круга. Он может тебя только скомпрометировать, и тебе он точно не пара.

– Я полностью согласен с мамой. Прости за прямоту, но как бы юноша ни признавался в своих чувствах, мне не верится в искренность его слов.

– Вы вообще про что такое говорите?! Тихий – целитель! Он сегодня вылечил мне оспину! Я хотела, чтобы папа договорился о лечении! Надеюсь, что Стах поправит лицо! А вы!.. А вы!..

Девушка заплакала, а родители только теперь разглядели белую кляксу гладкой кожи, расположившуюся на кисти на месте оспины.

– Да? Милая, кажется, я была не права...

Опрос

Ганс уже восемь лет состоял в должности швейцара при гимназии. Унтер-офицер, отслуживший двадцать лет и вышедший в бессрочный отпуск, легко нашёл себе занятие. Работа не слишком тяжёлая, жалованье хорошее, ещё и родители детишек изредка чаевые подкидывают. Однако иной раз на душе так тревожно становится, когда вокруг непонятное творится. Например, сейчас перед воротами какой-то молодчик с тросточкой прогуливается. Вроде что такого? Но не время и не место для прогулок. И ведь ничего не скажешь, за воротами власти швейцару нет. Опять же, карета на другой стороне улицы стоит. Небольшая, окошки занавесками завешены, кучер на облучке дремлет. Чего ему в родной конюшне не спится? Не так тут что-то... Совсем не так.

Вторая карета, близнец первой, завернула на улицу. Кучер первой встрепенулся и звонко щёлкнул кнутом. Молодчик от ворот скользнул на крыльцо к Гансу, серебряный кружок с короной и номером блеснул в его ладони. Охранка! Не зря в душе свербело.

– Стах Тихий. Известен? Кто таков? Какого нраву и поведения?

– Ученик выпускного класса. Сегодня у них был экзамен. Отец – лекарь при городской больнице.

– Хулиган, буян, задира? – спросил второй охранитель, видом куда осанистей первого.

Он успел выскользнуть из второго экипажа и встать рядом с первым молодцом.

– Шутить изволите. Тишайший мальчик, мухи не обидит. Ни в чём таком ни разу замечен не был. Как гимназисты про него говорят, ботаник.

– Точно? – усомнился осанистый и со значением посмотрел на Ганса. – Не выгораживаешь?

– Дело знаем, – оскорбился швейцар. – Восемь лет при месте.

– Тогда, любезный, отведи-ка ты нас к школьному инспектору. Да про вопросы помалкивай. Понятно?

Ходатай

Мэтр Ториан привёз нехорошие вести, и Тогаст Венкранц, богатый купец, сразу после обмена приветствиями потребовал:

– Мэтр, не тяните! Что узнали про Сузика?

– Не хочу говорить банальные фразы «я же предупреждал», «сколько верёвочке ни виться», но дело очень плохо. – Ходатай тяжело вздохнул. – Настолько плохо, что и не знаю, как можно было бы сделать хуже. Пристав под арестом. Всплыли старые делишки Сузиковой компании. Мне не разрешили встретиться с ними, ведь сейчас они в Коронной тюрьме, а туда так просто не пройдёшь. Удалось узнать, за какие грехи их приняли. Друзья здорово накачались в весёлом заведении. Ну, как обычно. Потом их, тоже как обычно, потянуло на подвиги. В переулке они напали на гимназиста, избили его, забрали деньги и какие-то вещи на сувениры. Тут это дело увидели проходящие мимо солдаты...

– И всё?! Ерунда! Я думал, что-то серьёзное случилось, – обрадовался родитель.

– И всё. Ерунда, – согласился мэтр. – Я протокол читал. Там написано: «На дворянина набросились четыре вооружённых грабителя, пробили ему кистенём голову, вытащили кошель с деньгами, сняли перстень-печатку, часы и другие предметы жёлтого металла. Убегая от преследования, отнятое успели выбросить, но на допросе сами же про то следователю рассказали». Небось их допрашивал матёрый скорохват из уголочки, а они, не мудрствуя лукаво, ждали услужливого околоточного с проповедью о недостойном поведении и намёками на подношение. Что побитый дворянином оказался, вы уже поняли? Хорошо хоть из обычных, а не из высшей знати.

Напряжение сгустилось настолько, что его можно было нарезать ломтями.

– Что им грозит?

– Сами сказали – ерунда. Парень в больнице. Если умрёт, то сочтут убийством дворянина группой простолюдинов. Бунт при отягчающих обстоятельствах, а это четвертование. Если жертва оклемается, то их всего-навсего повесят за разбой.

– Как повесят?! За что?! Они же дети! Просто озорничали...

– Как повесят? За шею. Кошель, вещи у жертвы забрали? Голову гирей пробили? Группой? Типичный разбой с отягчающими обстоятельствами, любой судейский подтвердит. У парня несколько золотых вещей отняли, неизвестно ещё, сколько в кошельке денег было. Придёт в себя – расскажет. Тогда может добавиться хищение в крупном масштабе.

Венкранц с надеждой спросил:

– А если кто из Сузиковых приспешников за деньги на себя вину возьмёт?

– По смертной статье? Не получится. Дураков нет, на том свете золото не нужно.

– Может, судейские подношение примут? Готов заплатить сколько скажут.

– Здесь вам не прежние грешки, когда сунули десяток-другой золотых потерпевшему, подмазали околоточного, и дело замаялось. Сейчас по закону следствие вести будут. Суд состоится сразу, как получают подписанные показания или свидетельство о смерти. Если гимназист умрёт, никаких шансов нет. Но если выживет, будем пробовать свести случай к драке. Коли парень не станет настаивать на разбое, а согласится принять компенсацию, то дело обернётся нанесением тяжких телесных повреждений вооружённой группой. Виновным, согласно Уложению о наказаниях, дают до десяти лет каторги. Можно пробовать уговорить судью на нижний предел срока – два года каторжных работ. Меньше никак не получится.

– Заплатим гимназисту. Мошна стерпит.

– Может заартачиться и не взять, – предупредил адвокат.

– Чтобы не артачился, – весомо пробасил опытный купец, – надо дать очень много. Столько, чтобы уж точно взял. Лишь бы выжил. Сам поеду в больницу, договорюсь. Мэтр, вы прикиньте, как Сузика с каторги выкупать будем.

Глава 2 Больница

Ангел

Как же мне хреново! После вчерашней драки? Открываю глаза и слышу оглушительный вопль толстухи в белом фартуке и монументальном накрахмаленном чепце. Причём на улице едва начало светать. Простая просьба: «Простите, я спать хочу. Пожалуйста, перестаньте кричать», – почему-то привела женщину в неистовство. Она вскочила и убежала.

Когда очнулся вновь, около кровати стояли уже двое – та тётка в чепчике и доктор в халате. Оба смотрели на меня как на именинника. Просыпаться не хотелось, но еле-еле разлепил глаза, приподнялся и спросил: «Где я? Почему не дома?» Эта тирада отняла остаток сил, упал на постель и опять провалился в беспамятство.

В третий раз проснулся от шороха платьев и тихого шёпота: «Он уже дважды приходил в себя». Это сиделка говорила симпатичной девчужке лет шестнадцати, в маленькой шляпке с вуалеткой, в нитяных перчатках и в шёлковом бледно-розовом платье. На втором плане маячила фигура взрослой женщины, тоже в дорогом одеянии.

Решил похулиганить и вслух громко произнёс:

– Значит, я всё-таки умер. Это минус. – Потом смотрю на девицу. – Но попал в рай. Это плюс. – Решительно спросил: – Вы ангел?

Девочка не поняла юмора и стала разубеждать:

– Стах, вы живы. Это больница.

Говорить мне больновато, однако терпимо.

– Но вы ангел? – продолжаю настойчиво вопрошать.

– Нет, я Лаура, пришла вас навестить.

– Жаль. Если ангелы похожи на вас, то не страшно умирать.

Сопровождающая дама устроилась на стуле, а Лаура выложила из корзинки апельсины, коробку конфет и красивую баклажку. Потом сказала, что я скоро-скоро поправлюсь, целитель папе обещал. Надеюсь, её папе: нам целитель не по карману. Девчужка зажурчала, как она мне очень-очень благодарна и как ей очень-очень жаль меня, а может, шрам будет не сильно заметен.

– Шрамы украшают мужчин, – возразил слабым голосом, – а судя по размеру, я непременно стану первым красавцем. – Пока она не переварила моё заявление, переспросил: – Вы точно не ангел? Такая красивая и пахнете флёрдоранжем с нотками сирени.

– Это духи, – мило покраснела она. – Мне их мачеха подарила.

Следующую пару минут Лаура мялась, рассказывала о погоде на улице и наступающем лете. Когда попробовала перейти на обсуждение вчерашнего происшествия, я прервал её:

– Тсс! – приложил палец к губам. – Ангелы не должны вспоминать о низких вещах. Ничего не было, просто вам привиделся дурной сон. А меня вы навелили потому, что ангелы иногда посещают юношей, чтобы те на всю жизнь могли сохранить в своей памяти светлый образ самого красивого в мире создания.

– Я не похожа на ангела, – смутилась девица, – и не очень красивая.

– Да, это ангелы похожи на вас. – Избитый комплимент нашего мира, но ей он явно понравился. – И вы очень красивая. Не надо спорить, а то мне придётся рассказать вам о прелесть ваших сияющих лучистых глаз. А такое нельзя говорить девицам, они могут загордиться.

Девочка покраснелась. Ей явно приятны комплименты, но она ещё не привыкла их слушать. Однако обвинять себя не прекратила. Стала лепетать, как она очень-очень виновата передо мной и очень-очень хочет искупить вину. Мне пришлось вновь прервать тираду.

– Я же сказал, что вам приснилось. Случившееся вчера – только моё решение, и вы тут совсем ни при чём. Скажу по секрету, я никогда не планировал жить вечно, а смерть в бою – достойная смерть.

– Вы несносны! И совсем не хотите слушать меня! Я виновата в том, что хотела сбежать от папы. Если бы не вы!.. Они такие мерзости говорили! Вас из-за меня ранили! А я растерялась и вовремя не убежала. – Тут Лаура всхлипнула, и слезинка соскользнула по её щеке. Не знаю, что она себе надумала, но явно что-то безумно страшное. – Поэтому вы должны попросить меня о чём угодно, и я это выполню! Не смогу сама – брошусь в ноги к дедушке. Он не откажет.

Как-то надо привести девчонку в чувство, а то занесёт её куда-нибудь не туда.

– Ваш отец глупый, злой и мелочный скупердяй? Как в сказке, морит вас голодом, заставляет донашивать старые платья служанок и каждый день бьёт каминными щипцами?

– Что вы такое говорите?! Он самый добрый, благородный и щедрый человек!

– Тогда вы прямо сегодня пойдёте к своему отцу, объясните, какой он добрый. Причём искренне и громко, как мне сейчас. Потом поцелуете и скажете, что сильно его любите.

– Зачем вам это? – Бедная девушка не ожидала такого. Она думала, я попрошу у неё денег? Или поцелуй? Или что-нибудь ещё в этом роде?

– Мне это не нужно. Это нужно вашему папе и очень нужно вам. Не знаю вашей семьи, но уверен, что каждый родитель желает только самого лучшего своему ребёнку. А я буду счастлив, когда мой ангел разрешит маленькое недоразумение со своим самым близким и дорогим человеком.

– Стах, вы так благородны! Однако я настаиваю...

Но на этих словах разговор закончился. Я грубо, вульгарно и цинично отрубился.

Палата

В следующее пробуждение сиделка дала мне выпить кружку крепкого бульона, а я попросил принести зеркало. Толстуха тяжело вздохнула:

– Может, после?

– После чего? Всю жизнь от себя буду прятаться?

В зеркале отразился кто-то незнакомый, с растрёпанными космами стоящих дыбом волос и лицом, похожим на физиономии злодеев в старых ужастиках. Неприятное зрелище. Однако не так плохо, как кажется. Я пару раз видел такое по телику в ток-шоу про пластические операции. Чёрно-жёлтые синяки, вздутия, опухоли – это довольно быстро проходит. Красные белки и набрякшие фиолетовые мешки под глазами – тоже нормально после сотрясения мозга и тоже ненадолго. Со шрамом лучше, чем могло бы быть, но хуже, чем хотелось бы. Заточенная цепь вырвала целые клоки мяса, и рваная борозда пересекает лицо. Идёт от волос по лбу через левую бровь, переносицу и пересекает правую щёку. Рана не смертельна, хотя сильно уродует внешний вид. Швов на шраме нет, но края раны сведены максимально близко и вместо ниток соединены прозрачным клеем. Опытный специалист поработал, и явно с помощью магии. Главное, повреждения не выглядят вчерашними. Это моя регенерация постаралась? Хотя Лаура говорила про целителя.

Женщина поняла мои размышления по-своему и стала успокаивать:

– Заживёт рана скоро. А что шрам, так со шрамами многие. Девки рябые и то замуж идут. Главное в человеке не наружность, а нутро! Найдётся какая красавица, на лицо и не поглядит, за душу драгоценную полюбит. Или бороду можно отрастить и чубом лоб закрыть, начальство в таких случаях разрешает. Тогда и ничего видно не будет... почти.

– Это да. Я теперь такой красавчик, что на меня отворотятся не нагладишься.

Она не стала продолжать тему, а, не обращая внимания на моё смущение, помогла воспользоваться монументальной больничной уткой. Вторая сиделка вынесла использованную посудину и вернула чистой. Потом покормили жидкой молочной кашей. После этого они вдвоём протёрли моё тельце жёсткой тряпицей, смоченной в душистом уксусе, и переодели в свежую ночную рубашу. Процесс омовения самых интимных мест вызвал приступ жуткого дискомфорта, но я был слишком слаб, чтобы отбиться от больничных мегер.

Ловко перестелив постель и накрыв одеялом, меня оставили лежать на свежевзбитой перине, ждать перевязки. Оказывается, вот-вот придёт лечащий доктор, он же придворный лейб-медик, профессор, лучший хирург и самый сильный целитель страны.

Когда светило медицины взошло в палате, первым делом оно поинтересовалось:

– Ну-с, молодой человек, как мы себя чувствуем?

– Как вы, не знаю, а я средне между «паршиво» и «очень паршиво». Сильная головная боль, тошнота, головокружение. Зато промежутки между обмороками увеличиваются. Так что улучшения налицо. Простите за остроту, просто я посмотрел на себя в зеркало.

– И как наши впечатления?

– Жду приглашения в труппу Королевского драматического театра на роль неупокоенного умертвия.

– Не унываем. Это хорошо.

– Чего унывать? Плакать уже поздно.

– Правильная позиция, молодой человек. – Тут его тон сменился на профессионально-сочувственный. – Скоро повреждение заживёт, и мы будем как новенькие. Заклинание Лечение сразу после ранения купировало кровоизлияние в мозг, а потом у нас самопроизвольно включилась регенерация.

Дальше последовала весьма познавательная лекция. Оказалось, мне повезло, что туляя фуражки перенаправила гирьку, а околышек смягчил удар. Именно поэтому трещины в черепе нет, только сотрясение, но тоже хорошего мало.

Затем началась собственно перевязка. Бинты от ран отрывать было не нужно, но снятие клея немногим лучше. Боль терпел с трудом, даже пару раз на миг терял сознание. Целитель сноровисто обработал раны, опять залил шрам клеем и предложил обезболивающую микстуру.

– Опийная настойка? – поинтересовался я. В ответ на утвердительный кивок отказался. – Нет, спасибо. Для полного счастья мне ещё не хватает стать наркоманом.

– За три-четыре приёма не станем. Однако, если обходимся, действительно лучше не начинать.

– Скажите, скоро выйду из больницы? А то у меня начались экзамены, их пропускать нельзя. Могу с аттестатом пролететь.

– Точно сказать сложно. Денька через два-три, если мы будем и дальше так поправляться. Про экзамены не переживаем, справочку получим для гимназии, и дело устроится наилучшим образом.

После такого оптимистического предсказания целитель ушёл, разрешив мне принимать посетителей.

Минут через пять в палату вошёл почтенный господин в партикулярном костюме и с большой корзиной алых, как капли крови, махровых роз. Представился Николом Огинским. Розы. Целая корзина. Сколько же они стоят? За ним другой посетитель внёс небольшой столик, сел за него и поставил чернильницу. Только тут до меня дошло, что лежу в отдельной палате. Обычно палаты в местных больницах рассчитаны человек на двадцать, а то и на сорок. Тут не как у нас, тут хочешь с комфортом – лечись дома.

Никол сел на стул и спросил:

– Ну что, герой, как себя чувствуешь?

– Спасибо, плохо.

Он показывает серебряный жетон с короной и номером. Понял, не дурак, был бы дурак – не понял. Служба охраны короны, местная страшилка. Боятся её не меньше, а скорее даже больше, чем в своё время НКВД. Причём, судя по слухам, эта репутация конторой заслужена честно.

– Хочу записать, как случилось нападение, – начал разговор посетитель. – Давай проверим, всё ли правильно помнишь. После гимназии ты пошёл погулять. В переулке увидел, что какая-то незнакомая девушка отбивается от напавших парней, и вступился за неё. Пока дрался, она вырвалась, а тебя самый мелкий ударил кистенём, и ты потерял сознание. – Вдруг он небрежным тоном предложил: – А может, не упоминать девицу? Зачем ей быть замешанной в скандальной истории? Опять же в интересах короны промолчать... Ты как считаешь?

Девица. Простолюдинок так не величают. На местном сленге слово значит «девушка благородного происхождения». Действительно, зачем нужны лишние разговоры? Сплетни пойдут, а ей ещё замуж выходить. Да и я не идиот с охранкой ссориться. Ясно же, что они Лауру прикрывают.

– Как прикажете!

– Ну а твоё-то мнение какое?

Включаю режим «солдат-дурак», в нашем мире такой стиль общения здорово помогал в разговорах с начальством:

– Интересы короны важнее моего мнения. Достаточно приказа.

– Вот так ты, значит? Ладно. Тогда и разговаривать с тобой буду совсем по-другому, как с серьёзным и ответственным дворянином. Награду тебе в любом случае дадут. Уж больно вовремя ты оказался где нужно и поступил как должно. Но ещё больше будет благодарность, если никаких упоминаний про девиц не будет. Тебе придётся выглядеть немного жалким, слабым и несчастным. Как по-твоему, чего от тебя могли хотеть напавшие?

– Извольте видеть, они, судя по форме, из реального училища. С нами, гимназистами, не в ладах. Иногда случаются нападения и драки.

– Угу, угу... Так и было. Значит, случилось вооружённое нападение на дворянина из-за неприязненного отношения реалистов к гимназистам. Естественно, с целью грабежа. – Сидящий за столиком заскрипел пером. – Ты шёл домой, как вдруг из подворотни выскочили четверо. Выкрикивая оскорбительные слова, они набросились на тебя, оглушили кистенём и стали избивать. У бессознательного вытащили кошелек с приблизительно шестью дукатами разными монетами и ценные вещи. Кстати, какие? Золотые часы с цепочкой и кольцо?

– Так точно, – соглашаюсь я.

Шесть дукатов! Столько отец не каждый месяц зарабатывает. Часы, даже медные, знаете сколько стоят? Про кольцо ничего не скажу, а вот перстень у меня есть. Серебряная печатка с гербом рода. Вместе с моим кошелёком под подушку кто-то положил.

– Виноват, ваше высокоблагородие, – вмешивается писарь. – Перо самописное могли взять. Раз жертва гимназист, мог носить.

Ого! Ваше высокоблагородие, целый штаб-офицер.

– Стах, что же ты сразу не пожаловался? – укоризненно попенял дознаватель. – Про такое надо говорить, не след отмалчиваться. Значит, самописная ручка слоновой кости с золотым пером. Кольцо тоже золотое, с рубином. Да? – Не слушая меня, стал рассуждать о деле: – Получается разбой с отягчающими обстоятельствами. Группой, с членовредительством и хищением ценностей в крупном масштабе. Есть ещё что?

– Может, вещи какие были с собой? Чуток недотягивает до особо крупного, ваше высокоблагородие, – пояснил подчинённый.

– Ах да! Ты же на окончание гимназии подарки родителям покупал. Шёл из ювелирного магазина «Шарт и сын», где купил матери серьги, а отцу заколку на галстук. Золотые, с камнями. – Он взглянул на писаря.

Тот кивнул:

– Аккурат хватит на особо крупное, ваше высокоблагородие. А как это у них не первое дело, могли заранее следить за лавкой. Особо крупное, группой, с членовредительством и заранее подготовленное. Больше не намотаем.

– Больше и не надо. Продолжим. Когда ты немного пришёл в себя, увидел убегающих разбойников и двоих в солдатских мундирах, их догоняющих. Сейчас твои показания перебежат, и ты их подпишешь. Договорились?

– Сделаю, как прикажете!

Гопникам накручивают на полную катушку, мало никому не покажется. Но мне-то что! Я не идиот ссориться с госбезопасностью. Вслух ничего не говорю, но дознаватель понимает мой настрой.

– Сегодня к тебе могут прийти от обидчиков. Станут просить принять компенсацию за похищенное. Уговаривать будут настойчиво. Не сразу, не на первый раз, а на второй, но пусть уговорят. Если что будет нужно, обращайся к сиделке, она из наших. Выздоровливай. Мы ещё встретимся.

Засим охранители вежливо распрощались и ушли, оставив корзинку дивно пахнущих роз.

Устав от общения, я опять было задремал, но заглянувшая вскоре сиделка почистила душистый апельсин и стала скармливать его мне в рот по одной дольке. От дольки себе категорически отказалась. Затем напоила вкуснейшим морсом из баклажки и спросила, приму ли частного поверенного, у которого какое-то личное дело. Получив согласие, ввела шуплого человечка, и тот сразу, без предисловий, принялся меня улащать:

– Ваше благородие...

– Не льстите. Я не имею чина, а так титуловать гимназиста не положено.

– Э... Виноват. Молодой господин, вы сильно пострадали, и будет справедливо, если получите достойную компенсацию за сколь тяжёлую, столь и случайную травму. Мало того, малолетние драчуны просто обязаны будут понести достойное наказание за то, что они сделали. Случилась драка, и за это, но только за это, они готовы ответить. То, что взяли ваши вещи, было глупой детской шалостью, а удар по голове стал просто трагической неожиданностью...

– Короче можно? Я не в том состоянии, чтобы слушать длинные речи.

– Тысяча дукатов. Пятьсот сейчас и сразу, а пятьсот после суда, если откажетесь от обвинения в разбое и подпишете прощение напавшим.

Ого! Ничего себе! На полный курс университета хватит, да ещё на жизнь прилично останется. Однако охранитель велел не соглашаться сразу, а торговаться я и в прошлой жизни умел.

– Как-то недорого у вас ценятся дворяне. Вы знаете, что я пропущу выпускные экзамены? Что потерял здоровье и красоту? Про украденные вещи и кошелёк даже не вспоминаю. – Перевожу взгляд на сиделку. – Нельзя ли сделать как-нибудь так, чтобы этого господина здесь больше не было?

Прикрываю глаза и слушаю, как санитары выгоняют ходатая.

Опять подремал с полчаса, а затем ко мне пришли родители и тётя Изольда. Дядя Вилдрек, у которого работаю в аптеке, не появился. Он давно с семьёй разругался, только меня терпит. И то не очень. С другой родней лет десять не виделся и не разговаривал. Как из армии комиссовали, совсем мизантропом стал. Зато весь остальной славный род Тихих был в сборе. Мама сразу схватила за руку, разревелась, села на кровать и осторожно обняла. Тётя опустилась на стул. Рядом с ней встал отец, одетый в мундир с накинутым на плечи лекарским халатом. Тётка тоже в мундирном платье – видать, отпросилась со службы. Не считая меня, она

единственный приличный волшебник в нашем роду. Пользует третий круг заклинаний и служит где-то при градоначальнике.

Разговор я сразу начал с главного:

– Папа, ты знаешь, мне Марги по дороге в школу проболталась, что Амка целовалась с Деном, Ромом и Сержем! Кажется, с Роби тоже, но точно не уверен.

– Совсем ребёнок ещё! – умилилась тётя. – Только о девчонках думает!

– Ничего не о девчонках! – возразил было я, но был безжалостно зацелован.

Затем меня принялась обцеловывать мама. Папе я достался в сильно помятом виде, но и он не преминул зажать мою бедную тушку в объятиях и чмокнуть в непострадавшую щёку.

Убедившись, что я в относительном порядке, он ласково сказал:

– Выглядишь ты не очень. Но что до шрамов, плюнь и разотри. Ты же не девица на выданье, с лица воду не пить.

– Ага! И с корявым можно жить. Что, совсем дело плохо?

– Да нет! Что ты! Пройдёт со временем! – Врать отец никогда особо не умел. – Главное, сам жив, а остальное наладится.

Мама уже взяла себя в руки и тоже начала успокаивать меня. Обещала найти денег и отвести к целителю, который сделает шрам почти незаметным.

– Мам, ты что! Зачем зря деньги палить? Мужчина должен быть лишь чуть-чуть красивей обезьяны. Руки-ноги целы, а остальное не суть важно. Вот лучше по конфете возьмите. И апельсинчик тоже.

– Кто тебе их принёс? И розы?

– Как очнулся, уже лежали, – соврал я, а чтобы отвлечь родителей, поменял тему: – Дядя Вилдрек хоть в курсе того, что я здесь? Или опять вас видеть не захотел?

– О покойниках плохо не говорят, но он с нами точно бы не пришёл, – выступила мама с неожиданной вестью. – Ой! – тут же спохватилась она.

– О покойниках? – удивился я. – Он вроде помирать не собирался. Я когда в воскресенье из аптеки уходил, дядя был жив-здоров и, как всегда, под градусом.

Родичи переглянулись, и отец рассказал:

– Вчера утром служанка убираться пришла, а Вилдрек сидит мёртвый за столом в лаборатории. И много пузырьков перед ним. Видать, ревизию наводил. Она полицию вызвала. Те пришли, дом осмотрели, ничего подозрительного не нашли. Анатом говорит, апоплексический удар случился. Может, лекарств нанюхался, может, вина лишку выпил, а может, очень грузный был.

Чего-то такого я ожидал. Жизнь за жизнь. Вместо меня тот, кто устроил перенос, для соблюдения баланса другую жизнь взял.

– Похороны когда?

– Одарённых сжигают до темноты, чтобы не поднялись умертвиями. Сами узнали, когда ты на экзамене был. Даже на церемонию не успели, его уже сожгли к нашему приходу. Мы пепел над морем развеяли, как он и хотел.

– У него же после войны от дара ничего не осталось.

– Таков порядок, а труп и так целую ночь пролежал.

– Жалко. Я проститься хотел.

– Тут вот ещё что... У него в столе конверт с завещанием нашли. Подписан и зарегистрирован по всем правилам. Имущество тебе оставил. И дом, и аптеку, и что на счету в банке. Адвокат тебе подробней расскажет, с нами он даже говорить не стал. Аптека пока закрыта, дом полиция опечатала, ждут твоего возвращения.

Мы совсем немного поговорили про дядю и про меня. Родным сказали, что на меня напали грабители. Оказалось, папа не платил за целителя и отдельную палату организовал не

он, всё предоставили за счёт казны. Вскоре разговор прекратился – я плохо себя почувствовал, и посещение закончилось.

Отец

Сорокалетний мужчина в мундире статского генерала без орденов и знаков различия долго не мог оторвать взора от закрывшейся двери.

– А это дорогого стоит... – задумчиво произнёс он, ни к кому не обращаясь.

Из-за распахнувшейся боковой панели просочился чиновник. Три сверкающих на груди ордена показывали, что он не последний человек в этом мире, но изящный поклон пояснил, что и не первый в этой комнате.

– Дорогого... – опять промолвил хозяин кабинета и спросил вошедшего: – Ты благодарность мальцу подготовил?

– Так точно, ваша милость. К утру документы на владение затвердили в реестре.

– Ладно. Давай с самого начала. Как там в больнице случилось? А то Лаурка нас прервала.

Советник раскрыл кожаную папку и стал читать написанное высоким штилем:

– Сегодня леди Лауре по пробуждении доложили, что вьюнош ожил. Она потребовала тотчас навестить. Мальчик на сей раз очнулся в ясном сознании. Но, увидев её, решил, что умер и оказался в раю, а здесь ангел, коий встречает усопших. Она его разуверила в том, а он изящные комплименты говорил, однако же категорически отказался её вину в случившемся признать. Объяснил, что выбор был токмо его, а ей надобно забыть сей случай, аки дурной сон.

Перелистнув бумагу в папке, докладчик простыми словами вставил своё мнение:

– Очень правильного направления мыслей и большого благонравия молодой человек. Заявлял: «Я не планировал жить вечно», «Смерть в бою – достойная смерть», – а потом охранителю: «Интересы короны важнее моего мнения, мне достаточно приказа».

Вернулся к бумагам и продолжил:

– Леди Лаура категорическим образом потребовала, чтобы юноша сей же час выказал желание, дабы она оное непременно исполнила. Он, прознав о случившейся ссоре, загадал замирился с батюшкой. Когда вновь в обморок упал, леди Лаура изволила покинуть палату, вся в чувствах от его благородства и в расстройстве за окровавившуюся за разговором рану. Кабы не увечье на челе, можно было бы опасаться за направление ейных мыслей. Такой получился романтик.

– Романтик – это ничего. Это можно. Романтик девицам такого возраста даже полезен. А что там за сказка про отца?

– Детская, ваша милость. Жестокий отец – злой колдун. Его дочь спасает храбрый принц и берёт в жены.

– Дай сюда бумаги! – После внимательного прочтения содержимого был отдан приказ: – Представь-ка мальчугана к звёздочке «За храбрость». Думаю, за загаданное желание тоже заслужил. Да чтобы завтра же вручили. Как выпишут из больницы, организуй аудиенцию, но моё инкогнито не раскрывай. Посмотрим, может, парень на что сгодится, если достаточно умён.

Дед

– Ваше величество! Леди Лаура сама пришла мириться к его королевскому высочеству. Поплакала немного, повинулась, расцеловала отца и пообещала больше никогда не делать глупостей.

– Она так желание мальчугана исполнила?

– Точно так, ваше величество. Думаю, и сама того желала, но детское упрямство не позволило ей сделать первый шаг.

– Нам бы ещё чуток продержаться до приезда жениха. Потом легче будет. Знакомство, балы, обручение, наряды. Так закрутится, что ни о чём другом даже не вспомнит.

– Ваше величество! По поводу её высочества... Виноват. Буду говорить прямо. В силу известных обстоятельств она сейчас несколько расстроена, но скоро может вновь вернуться к предмету увлечения.

– Не бей по больному! Или придумал что?

– Юноша, который за неё вступился, – дворянин, заканчивает гимназию и нуждается в службе. Их легко познакомиться. Леди Лаура сейчас им интересуется, считая себя виноватой в ранении. Его комплименты ей весьма понравились. Вполне может отвлечься от своего прежнего предмета. Сейчас парень на лицо вовсе не хорош, но целитель обещает привести к норме. Останется шрам, но так юноша даже пикантней смотрится. Рубец придаст облику определённый шарм. Молодой человек образован, воспитан, выдержан. Говорит остроумно, уместно, в меру.

– Ну, не знаю... Коли Лаурка отвлечётся, будет хорошо, а вдруг он захочет воспользоваться её наивностью... Ты понимаешь?

– Ваше величество, юноше надо сразу поставить задачу. Сказать, чего конкретно от него ждут и какая награда будет по окончании. И что при провале будет, тоже надо объяснить. Намекнуть: если правильно себя поведёт, его карьера состоится самым положительным образом. Умный парень, волевой. При перевязках боль терпит, стонет лишь при потере сознания. Место своё знает. Благоденствен. Предан короне. Отличная учёба. Примерное поведение. Семья небогата, связей нет. Он будет рад любому шансу пробиться.

– Как свести придумал?

– Самое простое дело, ваше величество. Положенные приличия соблюдем. Представим их официально друг другу при якобы случайной встрече. Никто в свете ничего возразить не сможет. Потом его при дворце на службу пристроим. Там им поводы увидаться найдутся, а не найдутся, так организуем. До приезда жениха пусть платонические чувства выказывает, за них девицу упрекнуть никто не сможет. И она отвлечётся от предыдущего предмета, и дополнительный надзор будет.

– Да, может получиться. Быстро организовать знакомство сможешь?

– Всенепременно, ваше величество. Сразу по выходе из больницы и начнём.

– Ты пойдешь, Лагозу скажи. Если он как отец одобрит, то делай. Но мальчишку предупреди: коли какие глупости начнёт творить, за внучку я ему лично башку снесу.

Фрида

– Целитель сказал, что здесь не иллюзия, а действительно залеченный след от пустулы. Чары круга пятого или шестого, повторить их он не может, в библиотеке гильдии такого заклинания нет. А Стах сегодня даже на экзамен не пришёл. Нам сказали, что заболел. Вдруг он вообще в гимназию больше не вернется?

– Милая, ну сколько ещё раз я должна сказать, что была не права? Не сегодня, так завтра твой спаситель появится. Аттестат ему надо же получить. Папа с ним встретится, договорится о лечении и решит вопрос.

– С чего ты вообще на него набросилась?

– Я решила, что ты представляешь нам своего молодого человека. Да, признаю, я без разрешения читала твой дневник и в курсе твоих чувств к некоему С.

– Если хочешь знать, «С.» – это Серж, а не Стах.

Ромул

– Ну что тебе сказать... Понравилось. Да, мне понравилось, как ты круто выступил в гимназии. Молодец. Право слово, молодец. Мало кто может взять и вот так лихо, сразу слить свою жизнь вместе с карьерой в загаженный нужник. В кругах, близких к третьесортным кабакам, о тебе уже начали складывать легенды.

– Отец...

– Не перебивай. Всё, что мог, ты уже в гимназии сказал. Я утром заехал к вашему директору, взял кондуит полюбопытствовать. Редкий, редкий у тебя талант. Буян, кутила и пьяница, и это в неполных семнадцать лет! Кем же ты будешь в двадцать? Наверное, каторжанином. Мать мешала, а так тебя ещё год назад из гимназии выперли бы. Но она моим именем козыряла, вот ты и держался на плаву.

На тебя ругаться не буду. Сам виноват, надо было за сыном следить. Наказывать тоже не стану, поздно уже. Но коли ты среди высшего общества вращаться не будешь... А ты не будешь, кто тебя без аттестата в юнкера возьмёт? Раз так, значит, столько денег в месяц на содержание тебе и не надобно. Думаю, тебе содержания не нужно вовсе. Поесть можно и дома. Вина ты уже напился всласть. Правда, девки в весёлом доме скучать будут. Так ведь недолго, другого такого дурака найдут.

– Я больше никогда...

– Молчи, я не закончил. Мать тоже денег не даст. Я ей содержание урезал и в имение отослал. И последнее... У меня лежит завешание, но тебя там нет, твой младший брат получит всё. Пока не подписал, но если ещё раз услышу про твои подвиги, подпишу. Теперь сам решай, как дальше жить будешь.

Август

– И тут этот сатрап имеет наглость мне заявить...

– Понял, понял уже. Успокойся. Вы в кружке какие книжки изучаете?

– Мы много книг прочитали.

– Времени нет, ты уж мне коротенько скажи, чего нарешали. «Анархия – мать порядка», «Воля рынка диктует общественные отношения» или «В борьбе обретёшь ты право своё»?

– Ты знаешь?..

– Знаю-знаю. Тоже был молодым и всё такое прочее. Так какой ваш лозунг?

– «Свобода – это только то, что ты завоевал сам».

– Так... «Тебе купили ненужное счастье – укради себе нужное сам»?

– Да! Папа, ты тоже...

– «Ни побед, ни поражений»?

– Нет! «Пусть в огне революции сгорит половина мира! Я согласен быть в любой из этих половин!»

– Понятно. А зачем тогда просил пристроить служить в управе министерства? Мечтал о карьере? Словом, скоренько садись на корабль и отбываешь в Колонии заместителем управляющего.

Ходатай

– Как зашёл в палату, сразу понял, что дело дрянь, – взволнованно докладывал господину Тогасту мэтр Ториан. – На тумбочке апельсины, серебряная фляга с питьём и дорогие конфеты, а на столике – корзина роз. В оранжерее за два золотых хуже продаются. А кто у него

был? Никого, один дядюшка двоюродный. Когда на входе в книжку посетителей записывали, подглядел. Тут, думаю, двумя сотнями никак не обойдёмся, сразу тысячу золотом посулил. Малой хоть бы глазом моргнул, только сказал, что жизнь ему сломали, и меня выгнал. Тогда я понял, надо выяснить, что у него утянули. Его показания не давали, но барашек в бумажке поблеял, золотишко звякнуло, и судейский копию на столе забыл. Вот список похищенного. Из богатеньких мальчик. Понятно, почему так взялись.

– Он очень плохо выглядит?

– Весьма дурно. Места на лице живого не осталось, одни только синяки, опухоли да кровавый шрам через всю физиономию.

– М-да... Дела... Тут сколько ни дай, не возьмёт.

– И я про то! Главное, срок подходит. Завтра после полудня суд будет, а мы гимназиста пока не уговорили.

– Если денег не берёт, с другой стороны зайти надо. Хорошо, что я сразу стал готовиться к такому повороту и имею решение вопроса.

– Нет, господин Тогаст. Я на такое пойти никак не могу. Если что с его семьёй случится, нас с вами первых за жабры возьмут. Скрываться мне резону нет, у меня капитал хороший и клиентура сложилась...

– Мэтр, это только вы о преступном думаете, а я привык деньгами затруднения решать. У меня есть то, от чего молодой человек, вступающий во взрослую жизнь, отказаться никак не сможет, – самостоятельность.

Больница

На этот раз я провалялся в полусне довольно долго. Несколько раз его прерывала сиделка, которая отпаивала меня крепким бульоном. Постоянно в палате не сидела, но заглядывала часто. Зуд и боль от раны не утихали, но головокружение уменьшилось, а тошнота вовсе прошла, даже аппетит появился. Однако лицо свербит, мышцы сводит резкими спазмами, по коже бегают болезненные мурашки. Вы хотели регенерацию? У вас она есть! Получите и распишитесь. А что не будет больно, никто вам не обещал. Ещё одна беда – скука. Лежать и ничего не делать – занятие сильно на любителя, а читать я не в состоянии.

Когда в очередной раз заглянула сиделка и сообщила о посетителе, сразу согласился того принять: хоть какое-то развлечение. В палату вошёл коренастый, плотно сбитый купец. Лаковые сапоги гармошкой, аккуратно расчёсанная борода до пояса, намащенные волосы в скобку и расшитый шёлковый пояс шириной в две ладони явно на это указывали. А массивная золотая серьга и перстень с огромным камнем, надетый по самой последней купеческой моде на большой палец, намекали на приличный достаток. Несколько выпадал из образа новый сафьяновый портфель в руках, хотя кто этих торговцев знает, может, они всегда с такими ходят.

Купец покосился на корзину с цветами, достал небольшой кошель и предложил:

– Господин Тихий, здесь ровно сто дукатов полновесными золотыми десятками. Они ваши, если уделите четверть часа времени и выслушаете меня наедине.

За такие деньги почему бы не послушать человека? Кошель, мелодично звякнув, тяжело лёг на тумбочку.

– Я деловой человек и считаю, что за всё надо платить и все долги надо отдавать. Молодые дураки украли у вас перстень с гербом рода, кошелек с деньгами и несколько других вещей. Вот печатка с вашим гербом на рубине. Не знаю, какой перстень у вас был, но, думаю, этот лучше. Вот часы с цепочкой, вот самописная ручка, вот серьги и заколка с бриллиантами. С каким камнем у вас подарки были? Всё новое, только сегодня купленное и, надеюсь, стоит значительно дороже утерянных вещей.

При каждом «вот» из портфеля появлялся соответствующий предмет и выкладывался на тумбочку.

– Это кошель с двадцатью дукатами, тридцатью талерами и полустами грошами. Не думаю, что у вас при себе было больше. С украденным всё. Давайте теперь поговорим о вашей ране. На окончание реального училища я приготовил сыну подарок, но ему он долго не пригодится.

Мне демонстрируется тяжёлый перстень, естественно, из золота, с огромным бриллиантом.

– Это чистейший алмаз, в лучшей огранке. Размером в десять каратов, или, чтобы было понятней, весом в тридцать аптекарских гран. Поверьте, он стоит достаточно дорого и привезён из колоний. Это казначейский билет на тысячу дукатов. Вы же после гимназии захотите учиться дальше? Тысячи с избытком хватит на полный курс любого заведения и на прожитие во время учёбы.

Вы беспокоитесь о женитьбе? Думаете, что увечное лицо вам повредит? Не буду врать, отчасти это так. Однако чаще родители девиц на внешность не смотрят, им важен доход жениха. А чтобы завоевать благосклонность девушки, достаточно хороших подарков. В конверте двадцать привилегированных акций Южной Торговой колониальной компании. Каждая из них гарантирует годовую ренту в сто серебряных талеров. Считайте их добавкой к приданому будущей жены.

Затем выложенные вещи возвращаются в портфель, а тот ставится у изголовья койки.

– При любом обороте нашего разговора содержимое портфеля ваше, причём акции переоформлены на вас безо всяких условий и обязательств. Решите сами, стоит ли такой подарок прощения моего сына. Я могу уповать лишь на ваше благородство, милосердие и умение прощать.

Вот повезло так повезло! Может, я теперь и не богач, но точно стал состоятельным человеком. Правильно говорят, что золотая рыбка, положенная на сковородку, резко увеличивает количество желаний. Тем паче охранитель всё едино велел простить напавших. Скрывая радость, после долгой паузы отвечаю.

– Тут скорее не подарок, а вира, но стоит, – соглашаюсь я. – Вы умеете делать предложения, от которых невозможно отказаться.

Купец подсовывает лист с отказом от обвинения в разбое и просьбой о снисхождении. Читаю, подписываю и остаюсь в одиночестве.

Сразу после купца зашла любопытствующая сиделка. Хорошо, что выдержал характер, не копался в портфеле, а засунул его под кровать. Кивнув на тумбочку, сообщил:

– Тут сто дукатов и копия прощения напавших для суда. Как велено, простил не сразу, – проинформировал я сиделку.

– Доложу его высокоблагородию. Сейчас пришло время ужинать, а потом сразу ложитесь баиньки.

После ужина закрыл глаза, но сон не шёл. Света мне не оставили, так и лежал, пока не услышал, как снаружи кто-то подбирается к окну. Затем этот кто-то через стекло попытался рассмотреть, что творится в комнате. Наивный! Захотел увидеть Тень в темноте! Не разглядев ничего подозрительного, злоумышленник стал пытаться поднять задвижку.

При первых же признаках опасности я попробовал встать с кровати. Хоть с трудом, но получилось. Меня пошатывало от слабости. Славно, что немного вижу в темноте. Из оружия под рукой нашлась лишь ночная посуда. С сей гордостью местной гончарной промышленности затаился в углу у окна. Как только запор поддался и в окно стал втискиваться человек, я от всей души врезал ему по затылку. Горшок разбился на куски, хорошо ещё, что туда напрудить не успел, мужик заорал, а у меня в руке осталась ручка с острым черепком. Им машинально

добавил по горлу пришельца. Глина глиной, а зазубренный осколок вскрыл артерию не хуже скальпеля.

Когда народ вбежал в палату, он увидел картину: в луже крови валяется разбитый горшок, из окна торчит хмырь с тесаком в руке и развороченной шеей. Над этим возвышаюсь я, с головы до пят забрызганный кровью.

Дежурный врач уважительно посмотрел и выдал:

– Ну ты, парень, даёшь! Еле стоишь, а как приложил! Есть силёнка у ребёнка!

Дальше закрутилось. Меня по-быстрому отмыли и переодели. То, что в это время глазела куча народу, никого не волновало. Кроме меня, конечно. Лужу наскоро затёрли. Хмыря, к этому моменту уже совсем мёртвого, выдернули из окна и унесли в морг.

Пока разбирались, времени прошло прилично. Я требовал себе поесть. Регенерация, знаете ли, она ресурсов требует. Мне налили кружку бульона и поднесли полную чарку красненького. Все хвалят: молодец, силач и лапочка. Лапочка, потому что не блеванул после боя. Многих после первой крови чистит, а я, красавя, ни-ни. Наоборот, на хавчик пробило. Сижу как ни в чём не бывало. Мне самому странно: кровищи как на скотобойне, первый раз в обеих жизнях лично человека убил, а спокоен, как танк.

Дед

– Ваше величество, забавный случай по полицейской части приключился. В госпиталь ночью в окно пролез злоумышленник. Прямо в палату, где лежит раненый гимназист. Ну, тот самый... Мальчишка видит, что убийца с тесаком лезет, а под рукой у него ничего нет. Хватает ночную посудину и разбойнику прямо по голове хрясть! Насмерть! Здоровый такой парень оказался.

– Небось не порожняя посудина-то была? – изволил улыбнуться государь.

– Конечно, ваше величество, полная. Как оно иначе? Для того и стоит.

– Хороший мальчуган, боевой. Пошли ему от меня кинжал за храбрость, чтобы было чем от врагов отмахиваться. А убийца откуда взялся?

– Гимназисту велели поторговаться и простить напавших. Отец главаря ему сто дукатов поднёс за прощение сына. Убийца санитаром при госпитале дежурил. Видать, подслушал про деньги. Через окно полез, чтобы не заподозрили.

Ангел

Утром проснулся бодр и свеж. Чувствую себя значительно лучше вчерашнего. Из-за регенерации ночью съел все продукты, даже конфеты не сберёг. Сам дошёл до умывальни. Сейчас бы в душ, но его не наблюдается. Водопровод – великое изобретение человечества! Вымыться, пусть даже прохладной водой, – это здорово.

На завтрак дали молочную кашу с маслом, огромный ломоть хлеба, кружку душистого травяного чая и изрядный кусок колотого сахара. После еды, хотя уже ополоснулся, последовали обтирание и переодевание. Заодно перестелили постель, взбили подушку с периной и велели отдыхать. Сиделка сменилась, но новая сказала, что тоже помогает охранителям. Мне передала: что простил – сделал правильно, а деньги должен оставить себе. Посоветовала лежать до обеда. Также намекнула на приход посетителей. Я сразу вспомнил вчерашнее утро и явление симпатичного ангела с сияющими глазками.

Правильно говорят, помяни сами знаете кого, а ангел уже тут как тут. Она решительно вошла в палату, внимательно огляделась вокруг и подошла к замытому пятну крови. Окончательно смыть кровь со струганых досок – задача не одного дня. Девушка посмотрела на пятно, потом на меня и, чуть повысив голос, спросила:

– Значит, это правда?

– Мой ангел, я не знаю, про что вы говорите.

– Вас чуть не убили сегодня ночью. Мне всё рассказали, – обвиняюще и глядя прямо в глаза, заявила Лаура.

– Так не убили же, – попытался я успокоить знакомую.

– У вас даже оружия нет! Завтра я добуду вам меч, а пока вот! – И она сунула мне в руку нож в ножнах из светло-охристого самшита.

Достаю чуть изогнутый клинок с односторонней заточкой, длиной в две с половиной ладони и шириной в два пальца. Доны по обеим боковым сторонам. Бритвенно-острое лезвие, рукоять из того же куска дерева, что и ножны. Без гарды, с идеальным балансом. Муфта и головка украшены чеканкой. Потемневшее от времени тусклое серебро. Произведение искусства, а не оружие. Одинаково хорошо режет и колет. Метнуть при нужде тоже сгодится.

– Вы тоже сейчас скажете, что это красивая зубочистка? – обиженно заявила девушка.

– Не скажу. Это прекрасный клинок.

Показал, как его можно спрятать в рукаве и быстро достать. Как держать прямым и обратным хватом. С четверть часа рассказывал о хитростях ножевого боя и закончил стишком в стиле Винни Пуха:

– Нож – это очень полезный предмет. Хорошо, коль он есть, и плохо, коль нет.

– Вы так много знаете про оружие, – восхитилась ангел. – Правильно я его вам подарила.

Её компаньонка промолчала, но по взгляду понял, что несколько переборщил, играя режиком. Теперь мне не поверят, если в качестве источника знаний сошлусь на книги.

– Спасибо, но я не могу принять такой дорогой подарок.

– Вовсе не дорогой. Я выполнила ваше требование и помирилась с папочкой. Теперь вы должны сказать, что мне сделать для вас.

– Мой ангел! Вы уже выполнили моё желание, а два раза за одну вину не отвечают.

Я не стал обращать внимание на возражения девушки. За время нашей беседы компаньонка выложила новую порцию фруктов. Как-то сама собой наполнилась баклажка и появились жареные пирожки с начинкой из дичи. Когда всё было сервировано, меня начали кормить, но посетительницам скоро пришлось уйти: должен был появиться целитель делать перевязку. Несмотря на возражения, подаренный нож дамы всё-таки мне оставили.

Больница

Вскоре действительно пришёл целитель, порадовался быстрому выздоровлению и снял клей совсем, а сразу после его ухода из коридора донеслись звуки шагов и звон шпор. Дверь распахнулась, появился бравый военный во флигель-адъютантском мундире, за ним лейб-гвардеец со свёртком в руках.

– Гимназист Стах Тихий? – громко спросил флигель-адъютант.

Интересно, кого он здесь думал застать?

– Так точно, ваше высокоблагородие! – рапортую, на всякий случай вытягиваясь в койке по стойке «смирно».

Флигель-адъютант – полковничья должность при государе, и просто так они к больным не ходят.

– Его королевское величество жалует тебе кинжал за храбрость.

Гвардеец подаёт ему тючок, и мне вручается кинжал с жалованной грамотой и полагающимися знаками отличия. Я, обалдев, несвязно благодарю, а офицер разглядывает пятно замытой крови. Притягивает оно людей, что ли?

– Это ты здесь вора горшком приложил?! – интересуется посетитель.

– Так точно, ваше высокоблагородие!

– Сразу насмерть?
– Виноват, ваше высокоблагородие! Испугался!
– Испугался он, – хохотнул флигель-адъютант. – Его величество велел в другой раз кинжал в дело пускать, а не нужной посудиною размахивать.

После ещё нескольких фраз он удалился, а мне нашлось занятие. Под благовидными предложениями в палате перебивал почти весь штат больницы, включая папу. Народ благоговейно разглядывал золотую надпись «За храбрость» на клинке, навершие и небольшую гарду, сделанные из червонного золота, чёрен и ножны, обтянутые шершавой змеиной кожей, шёлковый чёрный темляк с алой кистью. Притом кинжал не смотрится красивой игрушкой. Наоборот, обладает завораживающим изяществом опасного хищника. Кроме жалованной грамоты нашлась коробочка с планкой, которую награждённые золотым оружием носят на груди мундира. Посетители наговорили кучу комплиментов. Отец и вовсе прослезился.

Не успел иссякнуть поток желающих осмотреть кинжал, в палату без стука вошли новые посетители. Ну как посетители... гвардейский премьер-майор с двумя штаб-офицерами. Я вновь напрягся, а премьер-майор объявил:

– Гимназист Стах Тихий, его королевское высочество шеф-полковник его имени Горноегерского лейб-гвардейского полка принц Лагоз поздравляет тебя звездой «За храбрость».

Дальше следуют мои косноязычные благодарности. Затем офицеры хвалят меня, осматривают пресловутое пятно, вновь хвалят и уходят, оставляя на столе награду и грамоту.

Сам орден красив и прост. Шестиконечная серебряная звезда, укладываемая в круг, диаметром в вершок. В центре – алая капля, символизирующая пролитую кровь. По статуту ордена надо не только проявить храбрость, но и быть раненым при том. На верхний луч приварена длинная петелька. В неё продевается алая лента. Орден носится на шее, причём лента прячется под воротник. При получении любого другого ордена на шею носится на груди. Считается высшим среди солдатских знаков отличия, но ниже офицерских.

Убиться веником! Я получил боевую награду! Официально невысокого уровня, но по факту весьма ценимую, так как её дают исключительно нижним чинам и действительно за реальные заслуги. Формально я соответствую статусу. Гимназист – он даже ниже рядового, не зря со мной офицеры подчёркнуто на «ты» разговаривали. Храбрость, наверное, проявил, когда попёр на подонков. Глупость скорее, но как иначе? Невместно дворянину за девушку не вступить. Ранен при том был. Но неужели я один такой? И наградное оружие дали. Хотя сказали, что государь пожаловал, чтобы было чем вместо горшка отбиваться. Получается, анекдотом в герои вышел.

Паломничество в палату повторилось вновь. Причём даже отец заподозрил, что избившие меня хулиганы – всего лишь предлог, на самом деле я совершил какой-то секретный подвиг. На флигель-адъютанте так многие подумали, но, когда пришла делегация гвардейского полка, подозрение переросло в уверенность. Опять же вспомнили о приказе из Медицинской экспедиции про отдельную палату, целителя за казённый кошт и особое отношение к раненому.

Ага-ага! Мы знаем, так часто случается. Шёл пацан по переулочку, и вдруг ему гопники в морду дали. Добрые дяди его тут же подобрали, пожалели, полечили, наградили... Два раза. И кто-то случайно к нему в окно с тесаком залез. Мальчик, правда, того немножко убил, но это ерунда, дело житейское, с кем не бывает. Теперь давайте мы дружно поверим в самого обычного мальчика и будем делать вид, что так и надо, ничего особого не случилось.

После окончания второго паломничества забежал знакомец из охраны. Поздравил с наградами, порадовал скорой выпиской и перешёл к цели визита.

– Стах, ты проявил себя героем и получил заслуженную награду, – кивнул он на регалии. – Я уверен, что с таким почином и отличными оценками в гимназии тебя не минует хороший старт карьеры. Однако сейчас ты вновь оказался в нужное время в нужном месте. На тебя хотят посмотреть и, может быть, предложить службу. Тут есть три пути. Первый путь – отка-

заться. В этом случае никто не будет обижен. Ты получишь ещё кое-что приятное и продолжишь жить своей жизнью. Второй путь тяжёл и труден. Ты соглашаешься помочь большому человеку, получаешь место, достойное жалованье и точно следуешь данным приказам. Дело продлится не больше трёх месяцев, максимум до Нового года. Затем будешь свободен, а служба останется за тобой. Наградой станет карьера. Но и к тебе требования велики. Возможно, придётся пойти против мнения света или драться на дуэли. На третьем пути у тебя ничего не будет. Совсем. Третий путь – это предательство интересов того человека. Подумай, пока есть время.

– Согласен.

– Вот прям так сразу?

– Глупо кокетничать. Других предложений не жду, выбирать не из чего. Не хочу терять время на пустые разговоры. Того, с чем не справлюсь, вы явно не предложите.

– Логично. Тогда завтра поедем со мной, завершим твои дела. Получишь награду, а там решат, подходишь ли ты для дела. Кстати, куда поступать собираешься? Небось в юнкера Военно-магического? Кортик у пояса, кокарда на кивере золотом сверкает, сапоги блестят. Любая девчонка твоей будет.

– Нет, по стопам отца пойти думаю, в медицину. Целителем хочу быть. С полгода назад у меня инициация Дара случилась и родовые способности пробудились. Думал про академию или университет.

– Теперь скажи вот что. Если к тебе подойдёт почтенный господин, подарит пару дукатов и попросит рассказать о чьих-нибудь делах, ты что будешь делать?

– Расскажу общеизвестные вещи. Потом обращусь к вам за инструкциями.

– Молодец. Большинство заявило бы, что будут молчать как рыбы. И даже сами верили бы в это. Как у тебя с боевой подготовкой?

– Опыта нет, что было, знаете. В рукопашной голыми руками кое-что могу, но это если по-настоящему буду драться, а не кричать: «Быстро отпустили!» По нужде могу немного клинком помахать, однако для дуэлей подготовлен откровенно плохо, надо тренироваться. Если заклинания использовать, то выступлю против небольшой толпы, но могут пострадать проходящие.

– Да ладно! Ты голыми руками двоих свалил, а что ранили, так за одного битого двух небитых дают. Да и слегка подучим тебя разным премудростям. Языки знаешь? Раз в гимназии учишься, должен знать.

– Разговариваю и пишу в совершенстве на двух языках. Пишу и читаю на двух мёртвых.

– Ого! Весьма солидно. Надеюсь, не врёшь, однако проверю обязательно. Что кроме драки можешь?

– Два года у дяди в аптеке работал. Как аптекарь часто ходовые лекарства готовил. Алхимические зелья тоже. Как каллиграф неплох и свитки магические пишу.

– Насколько хорошо?

– Да как вам сказать...

– Так и говори. Не время скромничать.

– Могу чуть-чуть... лучше дяди.

– Да ты просто находка. Умён. Знаешь место, не лезешь выше головы, но и своего упустить не хочешь. Если тебя не возьмут, буду к нам звать.

На обед дали тарелку густой похлёбки с волокнами разваренного мяса, гороховое пюре с салом и кружку кисленького взвара. Потом ко мне запустили знаете кого? Нет, неправильно. Портного. Он меня раздел, обмерил и ушёл.

За ним появился... правильно, теперь угадали... парикмахер. Маэстро, увидев меня, восхищённо воскликнул:

– Какой типаж! – И поинтересовался: – Каким ты себя видишь?

Я попытался описать причёски Дольфа Лундгрена в «Рокки-4» и «Универсальном солдате».

– Именно так! Молодой человек, я буду тебя работать! Ты понимаешь тонкости искусства куафе! – в аффектации воскликнул мастер.

Помощник замотал моё тельце в кокон огромной простыни, а чародей ножниц и расчёски по-быстрому, всего минуточек за сто, сделал на голове что-то даже отдалённо не похожее на мой рассказ. Стал выглядеть как тупой болван. Утешает только, что не я платил.

Ещё при парикмахере заявился адвокат. Пока стригли, рассказал о завещании дяди Вилдрек. Оно простое. Всё осталось мне. Дом с аптекой и квартирой на втором этаже, находящиеся в доме вещи и деньги, лежащие в банке. После уплаты налогов, сборов и гонораров там лежит тысяча двести тридцать три талера. Немало, но и не безумные деньги. Древний амулет главы рода Тихих тоже перешёл ко мне. Распоряжаться имуществом могу сам. Совершеннолетие здесь наступает в шестнадцать лет. Раз в армию идти можешь – значит, совершеннолетний. Логично, в принципе.

Тётю Изольду Вилдрек особенно упомянул. Написал, что не доверяет ей с детства, с того самого момента, когда она обещала молчать, но стукнула родителям, что он курил. Потому ей ничего не оставил. Папе не оставил, так как он не волшебник. Юрист требовал с меня подпись, выдал документы и уехал.

Затем пришла мама с тётей Изольдой. Увидев награды и узнав про ночное происшествие, мамочка сразу начала сильно бояться и стала требовать объяснений с явками, паролями, а также с подробным рассказом обо всём случившемся. Тётя, наоборот, что-то себе придумала, стала меня защищать. Она служит короне и про секретность знает не понаслышке, поэтому орден, кинжал и даже ночной посетитель в её устах стали чем-то почти обыденным среди современной молодёжи.

Для изменения темы разговора показал завещание и спросил, что делать с домом, а главное – с аптекой. Сразу полегчало: на хозяйственные дела женщины переключились мгновенно. Обещали пересмотреть вещи и привести их в порядок. Ненужное выбросить, нужное рассортировать. Что можно, приспособить для меня с папой, остальное продать. Однако долго разговор не продлился, пришёл дежурный доктор и вежливо выпроводил женщин.

Затем доктор сказал, что сейчас мне будут приводить в порядок лицо. Регенерация лечит, но шрамы не правит. Спасибо, папа моего ангела. Не знаю, кто ты, но буду должен.

Войдя в палату, профессор без разговоров усыпил меня лёгким пассом руки. Что было дальше, не ведаю, очнулся уже ночью. На тумбочке кто-то заботливо оставил зеркало. Сразу принялся рассматривать свою физиономию. Целитель сотворил чудо. Синяков нет, отёков нет, белки глаз очистились от крови. Шрам остался, но стал меньше двух линий шириной.

Красоты, конечно, никакой нет, но уже и не выгляжу уродом. Глаза синие, не голубые, а необычного сапфирового оттенка. Волосы стали иссиня-чёрными, как у латиноамериканских мачо из наших модных журналов. Причёска короткая, мне идёт, хотя выгляжу полным отморозком.

Ходатай

– Мэтр, как всё прошло? Какой приговор?

– Самый минимум. Два года. В зале почти никого не было, значит, и огласки никакой не будет.

– Уф! Мне сразу полегчало.

– Господин Тогаст, я сделал максимум возможного. Благодаря моим усилиям судья был снисходителен. Опять же гимназист написал прощение, оно сильно помогло.

– Попробовал бы не простить! Я на него такие деньжищи потратил!

– Передачу с вещами Сузику отдали. Говорят, бодрится и ждёт освобождения. С его товарищами хуже. У одного рука в лубке, у другого голова пробита, третий здорово избит. Видать, их толком не лечили.

– Не наши печали. Вы про дело говорите.

– Побег готов. По пути освобождать будут. Место есть, где привалом встают, когда на каторгу гонят. Там на охрану нападут, Сузика вытащат и перевезут на побережье. Дальше уже ваша забота.

Отец

– Ваша милость, приговор напавшим вынесли. Два года каторжных работ. В газетах ничего нет. Дело простое, никому не интересное.

– Дальше.

– Вечером был суд Тайного трибунала, ваша милость. Без рассмотрения отменили приговор за ничтожностью следствия. Судили заново, за оскорбление действием члена королевской семьи. Приговорены к лишению языка, кастрации и четвертованию. За гнусность преступления казнь с растяжкой во времени.

– Это как?

– Будут отсекают по одной части раз в день, ваша милость. Сегодня язык, завтра кастрация, потом ноги и руки, последней голову. Неделю казнь продлится, раньше не дадут умереть.

– Это хорошо. Это правильно.

– Кроме того, Тогаста Венкранца и Ториана Зенна за подготовку побега коронного преступника приговорено повесить. Они лишаются всех званий и завтра же отправляются на виселицу с конфискацией имущества. В полночь будут проведены аресты и опечатывание собственности.

Глава 3 Аудиенция. Принц

Больница

Ночью до кучи включилось темновидение. Без света, в полной темноте я стал нормально видеть. В черно-белой гамме, однако не как в приборе ночного видения, где изображение размыто и дрожит, а как смотрится старый фильм в хорошем кинотеатре: картинка чёткая, с прорисовкой деталей при разнице температур. Понятно, придётся привыкать, вид окружающего мира сильно изменился. Ещё хорошо, что могу переключаться между дневным и ночным зрением.

Но темновидение не далось бесплатно. Мучился до утра – в глаза как будто насыпали жгучего перца, даже зажмурившись не мог избавиться от обжигающего сияния.

Утром новое неудобство. На улице в голубом, без единого облачка, небе встаёт солнце. Оно вызывает во мне самые отрицательные эмоции. Его свет слишком слепит глаза. Теперь только в тени, подальше от солнечных лучей, буду чувствовать себя нормально. Вот обратная сторона способности. Хотя это вполне терпимо. Просто буду вести себя на солнце как меломан на концерте хард-рока.

Посетил сантехнические чертоги, а вернувшись в палату, почувствовал настоятельную потребность сделать зарядку. В прошлой жизни я не был поклонником боевых искусств, но сейчас тело как будто само вспоминает и на рефлексах выполняет комплекс упражнений. Кажется, в нашем мире такие последовательности рукомашеств и ногодрыжеств назывались «ката». Хотя не уверен. За полчаса успел как следует устать и взмокнуть. Пришлось вновь идти в умывальню. Зато понял, что до шиноби мне ещё тренироваться и тренироваться.

Казалось бы, знания записали на подкорочку, организм заточили. Всё! Бей врагов по мордам и радуйся! Но тут вспоминаешь жалкие слова: тонкая настройка на организм, мышечная память, рефлекс. Даже простой выпускник академии сложил бы те четыре тела не напрягаясь, а мило болтая с девочкой, строя ей глазки и выясняя адресок для связи. Я же отвлекся на долю секунды и оказался здесь. Понятно, сам руку под кистень подставил, чтобы по Лауре не прилетело, но обязан был уклониться.

Рукопашка ладно. Другой вопрос – клинки. С ними те же проблемы. А сюрикены? Лук, арбалет? Невидимость? Заклинания? Словом, нужен тренировочный зал. Желательно с доступом 24 на 7, крайне желательно без посторонних глаз. Остальное вторично. Деньги есть, тренировочные снаряды я куплю или закажу изготовить.

Пока сиделка не видит, решил разобрать портфель. Вытащил из-под кровати, открыл и наконец рассмотрел полученное возмещение. Казначейский билет на тысячу дукатов. Их используют торговцы для оплаты. Грубо говоря, заменяет четверть пуда золотых монет. Реальные деньги, надо только пойти в казначейство и обналичить. Чтобы столько скопить, отцу четверть века придётся не пить, не есть, а только работать.

Двадцать акций на предьявителя. Раз в год, после праздника Урожая, по каждой из них можно получить рентой сто талеров. Плохо ли, не ударив палец о палец, ежегодно приносить домой две тысячи серебром? А коли сильно прижмёт, бумаги всегда можно продать. Хотя их цена очень плавает, но полторы-две тысячи талеров за штуку получишь.

Вместо своей серебряной печатки буду носить золотую со здоровым рубином, почти необработанным, с одной шлифованной гранью и искусно вырезанной мантикорой на ней. Скопировали один к одному наш родовой герб. Камень не из дорогих. Не очень прозрачный,

с прожилками и мелкими вкраплениями, однако даже такой стоит значительно дороже, чем я мог бы себе позволить купить в ближайшие годы.

Серьги и заколка для галстука. Не так дороги, как печатка, но дешёвкой их тоже не назовёшь.

Бриллиантовый перстень не стыдно носить королю. Простая золотая оправа, но камень великолепен! Чистый, прозрачный, прекрасно огранённый, диаметром больше пяти линий! Цены не знаю, но тыщонку дукатов точно стоит.

Часы с музыкой, четвертным репетиром, цепочкой и клипсой. В комплекте ключ для завода. Ценой с хорошую ферму. С мундиром носить разрешено, даже рекомендуется. Они не круглые, как в нашем мире, а квадратные, что удобно – можно на стол перед глазами ставить.

Массивная самописка сделана из слоновой кости с золотым пером. Писать не пробовал, она не заправлена.

Последним осмотрел поясной кошель с деньгами, похожий на подсумок с тремя отделениями и предназначенный для ношения на ремне. Обещанные деньги лежат, я пересчитал, не поленился.

Более-менее понятно, почему так много заплатили. За разбой простолюдинов вешают. В лучшем случае, при смягчающих обстоятельствах, могут выпороть и отправить на каторгу. За членовредительство положена просто каторга. Хотя если признают драку бунтом, то приговор может быть вплоть до четвертования.

Дворянам в этом смысле лучше – за разбой только голову рубят, за увечья сажают в крепость. Если с отягчающими обстоятельствами, то сидишь закованным в железо. Может, наказание и не мягче, но всяко почётней, чем у простолюдинов.

Что приятно, обычно здесь подсудимые долго суда не ждут. Дело ясное? На следующий день или через день выносят приговор. Осуждённый просит о помиловании? Дворцовая канцелярия кладёт бумаги на стол его величеству, тот обычно быстро решает, помиловать или оставить приговор в силе. Однако, коли сочтёт слишком мягким, может и ужесточить наказание.

Нападать на девицу было самой плохой проделкой, которую компания реалистов только могла придумать. Да, она сбежала от охраны, но там не дураки работают. Нашли бы её быстро. Собственно, дядя с клинком в тросточке опоздал совсем чуть-чуть.

Теперь подумаем: у кого есть охрана? У высшей знати? Да. Но казна за знать не платит, а мне палату и целителя за казённый счёт устроили. Про орден молчу. И ещё – государь лично золотой кинжал прислал. Через сколько часов после сшибки? Чай, не в газете же он про схватку прочитал, напечатать не успели бы. Значит, утром доложили. Что, обо всём случившемся ночью его сразу информируют? Только кто-то куда-то залезет – поутру государь уже в курсе, оно ему очень интересно. Нет? Похоже, присматривают за мной по его приказу.

Королевская семья тут замешана. По возрасту Лаура внучка или внучатная племянница, других Лаур в королевском роду нет. Знаю точно, геральдику в гимназии преподают. Конечно, я делаю вид, что не понимаю, какой она крови, но мне интересно: кроме самой девочки в это хоть кто-нибудь верит? Словом, мой ангел – отпрыск королевской фамилии.

Оскорбление члена королевской семьи карается от отсечения языка до повешения или отсечения головы. Оскорбление действием члена королевской семьи карается НАЧИНАЯ от повешения или отсечения головы, дальше предела нет. Конечно, огласка в нашем деле совсем ни к чему, но я готов поверить в ангельскую кротость государя, если четвёрка реалистов отдается каторгой. Да! Есть одна милая особенность в делах об оскорблениях венценосных особ. Обычно считается, что дурную кровь надо выжигать под корень, семьи тоже наказывают.

Вместо профессора меня осмотрел дежурный доктор, признал полностью здоровым и согласился на выписку. Он похвалил мастерство целителя, однако посетовал, что даже в столице всех целителей по пальцам одной руки можно пересчитать. Ангел сегодня меня не навещал, зато прибыл портной с подмастерьем. Опять меня раздели, выдали полностью новую

одежду, включая белье, гимназическую форму, фуражку, ремень, чёрные шёлковые носки и ботинки. Однако пришлось почти час сидеть и ждать окончательной подгонки кителя.

Моя новая форма отличается от старой, как породистый рысак от деревенской клячи. Вроде то же самое, но вид совсем другой. Ботинки блистают лаком кожи, идеально сочетаясь с поясным ремнём и козырьком новенькой фуражки. Медные пуговицы, пряжка и кокарда сияют каким-то таинственным светом. На шее – орден с алой лентой под воротником. Плашка за наградное оружие расположилась на груди. С левой стороны на ремне кинжал. На рукаве красуется шеврон.

Да, моё ранение занесено в личное дело как боевое, а значит, на левой руке, чуть выше локтя, положено иметь красно-золотую нашивку за тяжёлое ранение. Видок у меня тот ещё. Шрам на физиономии, солдатская звезда на шее, золотая планка на груди, наградной кинжал у пояса и шеврон на рукаве. Тяну на отставного ветерана.

Портной заставил повесить поясной кошель на ремень и пристегнуть часы. Клипса крепится на полу кителя на уровне третьей пуговицы, а цепь уходит во внутренний карман. Держать на виду больше трёх звеньев цепочки считается моветоном. Червонцы купца кидаю в ранец к ювелирке и ценным бумагам. Старые вещи свернули и вместе с новым портфелем отнесли в коляску. Чувствуя себя ходячим манекеном, следую туда же.

Министр

Через четверть часа мы добрались до управы Министерства призрения. Коляска отъехала во двор, а мне было велено ждать директора гимназии в приёмной. Тот с инспектором подъехал почти сразу, но нас целый час промурыжили, пока допустили до тела.

Аудиенцию давал лично министр, тайный советник, недавний герцог давно не существующего герцогства, разных орденов кавалер и просто очень толстый человек в роскошном мундире, Эльрик де Вимент, герцог Флорианский. Он демократично поздоровался за руку с директором, тот после рукопожатия с достоинством поклонился, затем с инспектором, этот кланялся чуть не до земли, а мне небрежно кивнул.

Секретарь протянул раскрытую папку, вельможа заглянул в неё одним глазом и спросил:

– Что у него со школьными оценками?

– На золотую медаль идёт, ваше превосходительство, – протянул директор уже раскрытые кондуит и журнал.

Его превосходительство с интересом их полистал и вынес вердикт:

– Вижу, хорошо детей учите, но, говорят, дурная овца в стаде завелась. А вот мы у молодого человека сейчас спросим, – прервал ответ директора министр. – Как по-твоему, голубчик, почему твой одноклассник такое сочинение написал?

– Ваше сиятельство... виноват, ваше высокопревосходительство...

Ни тайный советник, к которому по правилам надо обращаться просто «ваше превосходительство», ни герцог Флорианский, только из вежливости именуемый сиятельством, не обиделись на недоросля, чуть попутавшего обращения.

– Дворянин?

– Так точно!

– Тогда титулуй по-простому – сиятельством.

– Благодарю, ваше сиятельство! Он по глупости написал. На перемене хвастал, что за такое сочинение его сразу в несколько мест на службу приглашать будут. Многие из класса эти слова слышали.

– Значит, просто дурак? А что же ты, голубчик, свободную тему не взял?

– Ваше сиятельство! Совсем никак не возможно мне про такое писать! По малолетству оно даже как-то неприлично выходит. В мои лета надо наставников слушать, а не вольнодумством заниматься. Тем паче в вопросах, никак меня не касаемых.

– Во-о-от! – выдохнул министр. – Именно так! Никакого вольнодумства допускать нельзя. Дар – это ноль. Знания – ноль. Талант – ноль. Послушание – единица. Без единицы сколько нолей рядом ни ставь – всё ноль выходит. А если во главе единица стоит, то большое число получится, – посмотрел он на директора. – Теперь честно скажи: ты как ученик что думаешь про вашего директора?

– Не могу знать, ваше сиятельство! – чётко рапортую. – Не моего ума дело. Как педагог объясняет на уроках вопросы темы до тонкости, предмет сразу становится понятен. Суров, но справедлив. И очень строг!

На самом деле не знаю, какой он преподаватель, как учит и учил ли когда-нибудь вообще. По дисциплинарным вопросам у нас классные надзиратели есть, отдельно для девочек и для мальчиков. Даже до школьного инспектора мне как до луны, пока с поведением порядок. А уж тем более до самого директора. Но не могу же я так ответить.

– С вами, баловниками, без строгости никак нельзя, – с улыбкой говорит вельможа и опять поворачивается к директору. – Насчёт золотой медали я не против. Считаю, заслужил, коли достойно выдержал курс. Да и одарённым оказался к тому же, а волшебники короне нужны, их везде нехватка. – Потом вновь задаёт мне вопрос: – Вот если я тебя сей же час к себе на службу в министерство поставлю, что потянешь?

Коварный дядя, вопросик с очень большим подвохом.

– Ваше сиятельство, без обучения и стажировки наибольшее – смогу пробоваться помощником писаря или копиистом. Коли форменные требования узнаю, надеюсь, скоро до писаря дотяну. Выше, виноват, ваше сиятельство, сказать не могу. Службы не знаю, гадать боюсь.

– Скромно. Прошлый раз задал такой вопрос одному юнцу, так тот сразу в директора департамента запросился. А ты лишь в помощники писаря. Умён, коли знаешь, что ничего не знаешь. – Министр вновь заговорил с директором: – Ладно, раз такого молодца воспитали, спишем сочинение вольнодумца на его дурость. Вам лично и гимназии наказаний не впоследствии.

Школьный инспектор от облегчения даже громко икнул. На прощанье взрослых вновь удостоили рукопожатия, а меня – довольного кивка.

Уже выйдя, но ещё не захлопнув дверь, я выдохнул своё нелицеприятное мнение о хозяине кабинета:

– Великий человек!

– Да, – был вынужден со мной согласиться директор, – и отличный руководитель.

Только инспектор не успел лизнуть задницу министру.

Брильянт

– Ваша милость! – В голосе вошедшего звучали торжествующие нотки. – Брильянт чистой воды!

– Да ну? – недоверчиво, но с предвкушением отозвался собеседник.

– Точно! Тянет на золотую медаль. Уж на что де Риарди солдафон, а хвалил. Говорит, как гвардеец марширует и выправку прекрасную имеет. Велел в характеристику рекомендацию записать о поступлении в гвардию. Отец – слабый одарённый, дворянин из захудавшего рода волшебников. Мать тоже из дворян, тоже из рода волшебников, но не одарена. Живут скромно, однако достойно. На лицо не то что красив, но не без приятственности, а со шрамом так вовсе неотразим для дам. Волшебник. Уже имеет запас маны на шестой круг и пробудил две линии

родовых знаний. По отцу – Лечение, по матери – Огонь. Тут тебе он и целитель, тут тебе он и боевой волшебник.

– Так не бывает! Не было ни гроша, да вдруг дукат!

– Сам не поверил, ваша милость. Запросил гильдию. Их экзаменаторы в восторге. Рассказывают, зажёл свечу, поднял восемь перьев разом, заставил их кружиться. А свою ладонь над свечой держит и жжёт, да притом ещё улыбается. Когда велели прекратить, сам себе мажески залечил ожог.

Я, признаться, любопытствовал, лично его принял. Умён не по годам. Уникум, ваша милость! Брильянт! И почерк хорош! Экзамен по словесности написал готиком, прямо сейчас ставь перебеливать бумаги в высшие инстанции. Другие работы тоже недурны, а скорось просто чудо как хороша! В сочинении статью цитировал, что ваша милость велели зимой в газету послать. Слово в слово! Сам проверил. Извольте посмотреть, его работу с собой принёс.

– Да, верно. Почерк точно хорош. И действительно слово в слово прописал. Ведь знать не мог, что до меня дойдёт, значит, от души, от чистого сердца старался. Получается, без лести предан. Что приятно, и я не зря старался. Любит меня простой народ, раз мои размышления изучает и в сочинениях цитирует.

– Так точно, ваша милость! Вас народ любит! Гимназист зря не написал бы. Он вообще хорош, шельма. Хитёр как не знаю кто. Льстит, как будто уже двадцать лет провёл на службе! Такой медоуст, что хоть к себе в канцелярию бери. Чинопочитание понимает и со старшими очень уважителен! На чин до девятого класса может рассчитывать. Если он вам не сгодится, я, право слово, под себя возьму, по попечительству целителя весьма надобны. Место ему в канцелярии найду.

– Но-но! Ты это! Не тронь! Может, он мне сгодится. Пойду посмотрю сей бриллиант.

Аудиенция

Совсем чуток подождали, и всех, кроме меня, отпустили. Через полчаса какая-то чиновница выглянула из дальнего кабинета и поманила пальцем. Оно вроде не того дворянину по щелчку пальцев с места срываться, но я не гордый, я пошёл.

Дверь распахнулась, едва приблизился. Служитель принял фуражку и кинжал, а чиновница ушла в боковую дверь. Меня повели на следующий этаж. Пока шёл, мозг работал, как компьютер. Привычно отобрали оружие, но не обыскали. Значит, не мне не доверяют, а так положено. А к кому не положено посторонних с оружием пускать? Ой! Мы с тобой, Стахушка, на самый верх взлетели.

Этажом ниже были кабинеты, а здесь один большой зал. Обставлен уютно, просто и очень дорого. Велено ждать. Стою, жду. Минут пятнадцать жду. Из противоположной двери заходят двое. Оба в партикуляре. Пока идут ко мне, вычисляю. Задний открывал дверь, значит, не главный. Переднему лет чуть больше сорока, пышные бакенбарды. Такие разрешены только статским сановникам первых трёх классов, но он слишком молод для такого чина. Усов нет, не военный. Три перстня, два с изумрудами. Зелёный двор?

Главный дошёл и протягивает руку, ласково говоря:

– Ну, здравствуй, герой.

Я не дурак жать её. Ни рылом, ни возрастом не вышел. Упал на одно колено, захватил обеими ладонями, облобызал и, преданно глядя в глаза, ответил:

– Здравия желаю, ваше королевское высочество.

Услышал укоризненное:

– Полно, дружок. Ни к чему это. – Но рука притом не отдернулась, а принц повернулся к сопровождающему и с весёлой, слегка наигранной досадой пожаловался: – Вот что делать, а?

Ну любит меня народ! Во всяком наряде узнает! Даже инкогнито скрыться от них не получается!

Бинго! Рискнул и угадал.

– Встань, голубчик. Я тут по-простому, без парада. Но, оказывается, даже гимназист мой лик знает. Как твоё здоровьечко?

Встаю. По-простому так по-простому. Но на всякий случай лучше просто постоять в стойке «смирно».

– Премного благодарен за целителя, ваше королевское высочество. Полностью здоров. Готов выполнить любое задание вашего королевского высочества.

– За что меня-то благодарить? Ты дочку из беды выручил, значит, я должен тебя благодарить. Проси, чего желаешь. То, что мне доступно, исполню.

– Премного благодарен, ваше королевское высочество. И так осыпан милостями сверх всякой возможной меры.

– Но должен же я как-то отплатить тебе?

Да не знаю я, что просить! Откуда мне знать, что ему доступно? Глядя с моей колокольни – всё что угодно. Да и гордый я, не желаю кланяться. Захочет – сам чего подарит.

– Ваше королевское высочество! Своей аудиенцией вы и так исполнили мои самые смелые мечтания.

– Нет, я так не могу. – Принц протягивает руку, и его сопровождающий вкладывает в неё папку. – Раз ты ничего не просишь, решу сам. Возьми от меня подарочек. Ты Тихий, вот тебе именице, называется Тихий Уголок. Небольшое, но прехорошенькое. Пахотной земли там триста десятин, два виноградничка – двадцать пять и сорок десятин, – луга имеются, речка, маленькое озерцо и лесочек. Домик небольшой есть и управляющий опытный. Будешь ты у нас поместным.

Блин! В долги меня вгоняет! Я за такое не расплачусь. Падаю опять на колено, самовольно хватаю руку, целую.

– Ваше королевское высочество! Отслужу, только прикажите! Жизни не пожалею!

За самоуправство меня снисходительно потрепали по затылку.

– Что, рад, поди? Вижу, рад. Ладно, хватит, вставай. А служить кем желаешь?

– Кем прикажете, ваше королевское высочество! Любую службу за счастье приму.

– Говорят, ты у нас изрядный волшебник?

– Не обучен, ваше королевское высочество. Однако родовые способности есть к Жизни и Огню. Шестой круг заявлен в свидетельстве.

– Недурно. Ты же по первому разряду из гимназии выпускаешься? Даже на золотую медаль вытягиваешь?

– Так точно, ваше королевское высочество.

– Ну, давай тогда вместе подумаем, куда тебя определить. По военному делу моей власти нет. На статскую службу пойдёшь?

– В любое место, куда прикажете, ваше королевское высочество.

– Небось и чин тебе хочется? Сейчас посчитаем. После гимназии по службе ты коллежский юнкер. Однако дворянин, вот тебе и губернский секретарь. Ещё волшебник, вот тебе и коллежский секретарь. Ах да! Вышел из гимназии первым разрядом. Вот ты уже и титулярный советник. За орден год преимущества и за наградное оружие – ещё один. Хватит пока?

– От благодарности нет слов, ваше королевское высочество. Боюсь не справиться по малолетству и скудости ума.

– Справишься. Умников много, плюнь из окна – разом в умника попадешь. Мне преданные нужны. Поздравляю тебя чином камер-юнкера.

Третий раз падаю на колено, целую руку. Придворный чин вместо статского, причём рангом выше, чем отец выслужил за восемнадцать лет.

– У тебя пока в хозяйстве не достача. Это ничего, всякое в жизни бывает. Трудновато будет экипироваться сообразно придворному чину, но не волнуйся, снаряжение справят за мой кошт. С первого числа заступай на службу, я распоряжусь. Мои люди меня по-простому «вашей милостью» титулуют. Тебе тоже позволяю. Не благодари. Иди. Там всё скажут.

И я пошёл, чуть живой от счастья.

Принц

– Ну и как этот Тихий, по-твоему?

– Может выйти толк, ваша милость. И ведь совсем ничей! Такого приблизь, прикорми, обласкай – верней собаки будет.

– Да, действительно хорош. Далеко пойдёт, если меня держаться станет. Его семья бедна, так что за мой кошт всю справу ему постройте. И с понедельника берите в работу. Подтяните, обучите. Танцы, манеры и по придворной части. Раз целитель, поставь пока на должность гоф-медика. Пусть привыкает к делам. Ещё присмотри, чтобы поступил на учёбу. К листопаду всё закончится, он уже не нужен будет, а дипломированный волшебник всегда пригодится. Прикинь, к какому делу стоит приставить. Отец служит?

– Точно так, ваша милость. Под вашей милостью числится по Медицинской экспедиции министерства. Чин десятого класса. При городской больнице лекарем. Опытен и старателен...

– Это не столь важно. Главное, чтобы был мне предан, остальное приложится. Распорядись ему про следующий чин и переведи куда-нибудь... ну... к Эльрику, наверное. При Ревизионной комиссии пусть будет. Он из рядовых поднялся, всё должен знать, его не проведут.

– Ваша милость, если отца в контролёры ставите, может, чин через орден дать? «За заслуги перед короной», третья ступень. В самый раз титулярному советнику придётся. Опять же престиж ревизора будет.

– Да, пожалуй, можно. У меня подписанные орденские грамоты есть. Скажи вписать, но потом пусть объяснят, что пока авансом за сына дали, а сам оправдать должен будет. И вели ему короткие бакенбарды отращивать. Для представительства и чтобы вид имел пред другими, не нашими. Длинные пока ему не по чину, а такие ладно, моим людям позволено. Завтра же пусть переводится.

– Слушаюсь, ваша милость.

Министерство

Как вышел, меня проводили в комнату, в которой были только столы и табуреты. Принесли чаю и стопку бутербродов. Вовремя: я голодный как не знаю кто. Через полчаса пришёл знакомый охранитель и объявил:

– Понравился ты. Его милость хотел тебя по гражданской службе пустить, а поговорив, пустил по придворной. Есть две новости, хорошая и плохая. С какой начать?

– С любой.

– Ладно. С Лаурой у тебя нет никаких шансов.

– Угу, понятно. А плохая новость какая?

– Даже так?

– Ей около шестнадцати, мне почти семнадцать. Ей замуж надо. Мне до двадцати трёх лет нельзя жениться. Я никто, девица привыкла к роскоши. Если между нами что-то будет, она через месяц меня возненавидит. Могу только преклоняться перед своим личным ангелом, на большее даже замахиваться не хочу.

– Умён. Я подготовил целую речь, а ты сам всё по полкам разложил. Тогда остаются только хорошие новости. По окончании гимназии ты получишь золотую медаль. Верю, заслу-

женно. Снаряжение, необходимое для службы, справят за счёт его милости. Числиться будешь гоф-медиком. С нового года поступишь в обучение мажеским делам. С твоим чином и службой невместно оставаться не при гильдии. Твоему отцу его милость жалует орден и следующий чин.

– За это я должен буду отдать только свою душу?

– Смешно. Кому она нужна? Но, понятно, отслужить придётся. Тебя представят леди Лауре. Девочка романтичная и немного взбалмошная. Ты с ней подружишься, будешь держаться рядом и удерживать от всяких дурных глупостей. Если что учудишь по поводу личных отношений, лично тебя кастрирую. Завтра приходи при параде в гимназию, оттуда тебя заберут в канцелярию дворца. Остальное там расскажут.

– Ясно. Что говорить одноклассникам?

– Ничего не говори, отделяйся общими словами. Гимназическое начальство в курсе, что ты был ранен, и лишнего спрашивать не будет. Остальным и знать ничего не обязательно.

– По какому полку орденом был награждён, могу говорить?

– Вполне. За что, обычно не спрашивают. Зачем тебе надо было прощение напавшему написать, понятно? Или думаешь, что тебе охранители решили дать чуток заработать?

– Думаю, что хотели дело сделать максимально похожим на обычные дела, чтобы не было сильной огласки.

– Правильно. Купец многим денег дал, чтобы огласки не случилось. Драка подростков вообще мало кому интересна, а если постараться, то никто и не вспомнит.

– При случайной встрече мне как с ним себя вести?

– При встрече? Это навряд ли. Разве, может, в загробной жизни встретитесь. Ладно, наше время уже подошло, пошли прогуляемся чуток.

Кофейня «Жёлтая роза»

Коляску Никол велел оставить, и мы неспешным шагом пошли к площади у главных ворот королевского замка. Именно там располагалась модная кофейня «Жёлтая роза». Цены соответствуют месту, потому сам бы я туда никогда не зашёл.

Внутри занято три стола из десятка разбросанных по залу. Нас, не спрашивая, повели в уютный уголок с мягкими диванчиками. Расположились и оглядели зал. Недалеко сидит парочка гимназисток, судя по форме, из Второй гимназии, четыре парня, студенты из университета, и мужчина в партикулярном платье с десятилетней дочкой.

Играет небольшой оркестрик из скрипки, гитары и альты. Мелодии просты и незатейливы. Чувствуется, класс музыкантов не слишком высок, но играют искренне и с душой.

Мы заказали кофе и мороженое. Я не отказался бы от чего-нибудь нажористого, но здесь такого не подают.

Гимназистки бросают на меня любопытные взгляды, шушукаются и хихикают. Ну не красит меня шрам! И что? На улицу теперь не выходить? Женский пол ест мороженое, папа девочки пьёт кофе глясе, а у студентов на столе бутылка абсента, но потребляют они его не по правилам, без сахара и не разбавляя.

И гимназистам, и студентам ходить в такие места не возбраняется. Только носи с собой ученический или студенческий билет, не забывай брать разрешительное свидетельство и гуляй когда хочешь, с восьми до двадцати часов, и где хочешь из списка разрешённых мест. Тебе никто ничего запретить не может. Правда, любой полицейский или просто прохожий с офицерским чином может замечание в твоё разрешительное записать. Ну так веди себя правильно.

А получить разрешительное свидетельство легко. Пишешь прошение школьному инспектору. Классный надзиратель его подписывает, если в кондуите нарушений нет. Классный руководитель тоже черканёт, что оценки позволяют ребёнку гулять. И тебе автоматом выдают бумагу. Её даже не каждую неделю надо продлевать, всего раз в месяц. Причём свидетельство только за замечание отнять могут или за запись в кондуите. Понятно, за плохие оценки тоже.

Нам ещё не успели принести заказ, как в кофейню зашла дама в сопровождении девицы. Мой спутник сразу встал, приветствуя её. Вскочил и я. Раскланявшись с женщиной, спутник чуть выдвинул меня вперёд:

– Разрешите представить, мой дальний родственник Стах Тихий. Пока ещё гимназист. – Затем представил мне знакомую: – Баронесса Алиса де Берти.

Я поклонился. Баронесса тоже склонила голову ровно на пядь, потом сказала спутнице:

– Рекомендую, мой давний знакомый барон Никол Огинский, гвардии капитан. – Затем представила девицу: – Леди Лаура. Моя самая беспокойная подопечная.

Моего ангела официально мне представили. Теперь нам будет прилично разговаривать при встрече. А «родственник»-то каков! Барон, чин армейского подполковника, а меня за ручку водит. Горжусь.

Дамы подсели к нам. Конечно, мы с Николом на одном диванчике, они на другом. Сейчас с Лаурой можно поговорить, но аккуратно – здесь слишком много нескромных взглядов.

Передал меню девушке, предложив:

– Мой ангел, не хотите ли заказать чего-нибудь?

Девочка просто вспыхнула румянцем и прошептала:

– Не говорите так. Я не ангел.

– Буду молчать, мой ангел, – согласился я с нею.

– Вы просто смеётесь надо мной!

– Никогда не посмею так поступить. Над ангелами не смеются, ими восхищаются.

Тут как раз в кофейню заглянула цветочница с корзиной пармских фиалок. Махнул ей и взял два букетика для наших сотрапезниц. Каждый стоит как паровоз, которого к тому же здесь и не изобрели. Ну да ладно, мне же купец денег отсыпал.

От стола гимназисток послышалось дружное фырканье. Надо им как-нибудь сказать, что зависть – плохое чувство. Девочка тоже требует у папы цветочек, но опытный родитель переводит разговор на другую тему. Баронесса делает страшные глаза, однако букет берёт. Лаура нюхает цветы и просто зарывается в нежные лепестки. Её щёчки так алы на сиреневом фоне. Очень жаль, что у нас с ней нет будущего.

Потом нам принесли кофе и мороженое. Я рассказывал смешные случаи, происшедшие в гимназии, а ангел осторожно слизывала с ложечки холодную вкусняшку и отвечала забавными анекдотами из жизни двора. Время шло приятно и незаметно, взрослые нам совсем не мешали. Лаура даже сказала:

– Стах, с вами легко разговаривать. Как с давней подружкой. Вы узнали, кто я, но не изменились, как многие, а остались самим собой.

– Лаура, вы всегда для меня будете моим личным ангелом. А раз так, зачем мне меняться?

– Нас могут видеть вместе, как сейчас. Чтобы не пошли слухи, вы должны будете иногда показываться в публичных местах с девушками.

– Если такова цена за дружбу с вами, то я согласен.

Да, в общем, что такого? Погулять с девчонкой никто не запрещает. Прогулка – не свидание, правда? Да и свиданки не запрещены. Хотя я-прежний раньше никого не приглашал на прогулки, но думаю, проблемы не будет, договорюсь с кем-нибудь.

– Вот, возьмите. – Девушка протягивает мне большой конверт. – Посмотрите после, и отказа я не приму.

Затем мы опять принялись болтать и даже чуть-чуть сплетничать о разных разностях.

За время беседы студенты дошли до нужной кондиции, и их начало разбирать после глюкогонного. Они стали шумнее, от стола послышались нескромные шуточки в адрес гимназисток.

Шепчу:

– Баронесса, уходите. Барон, прикройте дам, я отвлеку.

Встаю и направляюсь к студентам. Баронесса громко вспоминает, что им уже давно пора, и мигом утягивает смущённую девушку на улицу. Никол, провожая их, грамотно перекрывает проход. Успели в самое время, ибо именно сейчас разразился скандал.

Двое собираются к гимназисткам, а другая пара пытается выйти за нашими сотрапезницами. Но я стою на пути скандалистов и увещаю:

– Немедленно прекратите! Вы пьяны!

Студенты переключаются на меня и начинают махать кулаками. Попасть не удаётся, они мне не противники. Пользуясь моментом, барон эвакуирует гимназисток на улицу, а мужчина с дочерью уже там.

Мне в голову летит бутылка, а один из идиотов достал нож. Тут я начинаю работать, пока в мягком варианте, без членовредительства. Парню с режиком прилетает каблуком ботинка в лоб. Не сильно, но ему хватило, тем более что там подковка. Второй получает удар кулаком в солнышко и корчится на полу, выблёвывая выпивку с желчью.

Перепрыгиваю через столик ко второй парочке. Удар по горлу, только двумя пальцами, не ребром ладони, и студент начинает думать не о бое, а о чем-то более актуальном. Например, как правильно дышать, да чтобы не вырвало к тому же. Последний уже обзавёлся шипастым латунным кастетом на руке. Зря он так. Удар мыском по коленной чашечке. На подошве две подковки, да? На мыске и каблуке. И удар я лишь чуть смягчил. Парень начинает клониться и получает локтем по затылку. В силу законов физики падает. Я же прыгаю на кастет. Тому ничего не делается, а вот пальцы сломаны. Раз достал оружие, готовься получить адекватный ответ.

Бой закончен. Двое без сознания, двое стонут. наших дам не видно. Барон с профессиональным интересом разглядывает меня, а перед входом начинают собираться любопытные. Тут и полицейский наряд подоспел.

Обе гимназистки начинают наперебой рассказывать одному городовому, как я, такой героический, защитил их от пьяных распоясавшихся подонков. Папа с радостной от такого интересного приключения дочкой что-то весомо объясняет унтер-офицеру, старшему наряда. Слышны слова «герцог Ранбранд... графиня Тереза... милый мальчик... распустили студентов... думал, приличное заведение...». Третий заходит ко мне и обзревает зал, в который с опаской начинает заглядывать персонал.

– Дела! – тяжело вздыхает он. – Так вы их без кинжала раскидали?

– Кинжал наградной, мне его величество для боя пожаловал. Не годится такой клинок в пьяной драке марать, – высказываю я своё суждение.

– Это да, – соглашается городской. – И зачем они порошку наглotalись? Теперь будет всем на орехи. И им, и нам достанется.

Оказывается, среди золотой молодёжи пошла мода пить неразбавленный абсент с какой-то дурью. Обычно это кончается скандалом и мордобитием. Но раньше кулуарно, среди своих. На центральной площади первый раз такое вышло.

Подоспевший с подкреплением околоточный составил протокол с именами участников драки и свидетелей. Нож конфисковали, а вот кастет с распухших пальцев придётся спиливать в больнице. Остальных студентов отпустили, но обещали послать копию протокола в университет. Меня спросили про урон, осмотрел себя и кроме оторванной пуговицы других повреждений не обнаружил. Барон похвалил за расторопность и повёл обратно к коляске.

Дед

– Ваше величество, мы, конечно, рассчитывали показать мальчика в хорошем свете, но такого успеха не ожидали! Расклад был продуман, продажа в людном заведении, продавец ушёл, покупатели предсказуемо решили попробовать. Дело шло как по часам. Трое агентов

были готовы прийти на помощь. Но не успели! Юноша отправил в безопасное место леди Лауру и один, в мановение ока, разбросал четверых буянов. Она сильно впечатлена.

– Не переборщили?

– Не думаю, ваше величество. Ей тайком передали письмо от прошлого предмета, так она даже конверт не вскрыла. Кинула на бюро и оставила нечитанным.

– Хорошо, коли не читала. А парень не того... не позволит лишнего?

– Ваше величество, когда Тихому сказали, что есть плохая новость и с леди Лаурой ничего не выйдет, он только спросил: «Какая новость плохая?» Его королевское высочество юношу обласкал. Дал поместье, место при себе и велел полную справу построить. Не много ли милостей разом выходит?

– Экий ты скаредный! Завтра ко мне его привези, я ему тоже поместье прирежу. Не жалко. Герцогство, по завещанию матери-покойницы, в приданое к Лаурке отходит. Её мать сама земли в приданое принесла. Короне на ушедших территориях будет полезно иметь своего человека.

– Виноват, ваше величество. Не додумал про политик. Раз земли из-под короны уйдут, так хоть с пользой. Можно прикормить юношу, пока её высочество не против.

– Во-во! Что с организаторами побега?

– В полночь арестовали Тогаста Венкранца с семьёй, Ториана Зенна и семьи остальных виновных. В четвёртый час исполнили наказание, повесили обоих. Семьям объявили о лишении прав и состояния. Пока в тюрьме, но ближайшим кораблём будут отправлены в колонии.

Дом

После кофейни с шиком доехал на коляске до дома, а там уже ожидала родня. Мы сразу сели за стол. Семья потребовала рассказа о моих приключениях со всеми подробностями. Про причину успеха говорить не стал. Сослался на запрет и интересы короны. Про купца с его подарками тоже промолчал: вдруг чего. Предъявил полученные награды, печатку, часы и свидетельство из гильдии, а пока родичи разглядывали, щупали, чуть не нюхали мои регалии, наворачивал горячую кулебяку. Мама успела организовать мою любимую – с капустой, жареным луком и яйцом. Вообще стол был как на день рождения.

Налюбовавшись, меня стали расспрашивать про пробудившийся Дар и выяснять, что знаю. Я сделал лучше. Взял свечу и повторил своё выступление на испытании. Вместо перьев использовал вилки, ложки и ножи. Представление произвело сильное впечатление. Тётя была хорошей волшебницей и смотрела с профессиональным интересом. После похвалила:

– Малыш, да ты у нас скоро магистром станешь!

Изольда явно рада за меня, отец и мать вообще готовы петь осанну.

– Сказали, наследственная память. Магия Жизни с полным табу на поднятие нежити, зато с усилением лечения людей.

– Это наше исконное, родовое. У пращура Остона такое было, – перебил взволнованный отец.

– Пап, ещё не всё. Магия Стихий тоже проявилась. Причём моя основная стихия – Огонь.

Тут заревела мать. Она ведь из семьи волшебников, весьма сильных, но Дар в ней не пробудился. По прогнозам, и её детям ничего не светило. Маму выдали замуж с небольшим приданым и полностью забыли о ней. Во всяком случае, я никого из родственников мамы ни разу не видел. Ей даже не разрешили оставить фамилию, то есть навсегда отрезали от семьи.

Огонь – их фамильная способность, и сейчас, в компенсацию за разрыв связей, сын получил её. Вышел такой могучий плевок в сторону материнской семьи, ведь, отрезав маму, они лишились любых прав на меня.

Разговор временно прервался. Пока не стихли рыдания, папа что-то успокаивающе шептал на ушко маме, Изольда гладила её по плечу. Мама крепко вцепилась в мою руку и не отпустила. А я невпопад бубнил: «Мам, ну ты что... Мам, ну ладно, всё хорошо будет!» – и тому подобное. Наконец она успокоилась, но осталась сидеть, прижавшись к плечу папы, и задумчиво промолвила:

– С дядиным наследством тебе может на университет хватить. На академию-то мы скопили.

– Хватит, мам, обязательно хватит! Мне службу обещали, скоро получу место.

– Какая служба? – стала отговаривать меня тётя. – Отдохни как следует после гимназии, погуляй перед университетом.

– Тётя, ты считаешь, что я чурка безглазая или кукла бездушная? Мать третий сезон платья себе не покупала, отец старается дополнительные смены взять. Всё деньги мне на учёбу собирают. Как будет место, сразу пойду на службу.

Мать опять всхлинула растроганно: что с ней сегодня? Отец потупил глаза, а тётка его спросила:

– Неужели действительно настолько плохо с деньгами?

– Нет, нормально. Сложновато, но мы тянем.

– У своей сестры помощи попросить нельзя было? Уж племяннику в долг всегда подкинула бы.

Как будто сама ничего не видела! В долг! Скупердяйка!

– Пап, тут такое дело... Тебе завтра парадная форма понадобится. В больницу пакет придёт. Тебя в распоряжение министерства отзывают. Его королевское высочество принц Лагоз передал поздравление с орденом «За заслуги» и чином титулярного советника.

От такой вести семья замерла. Отец схватился за сердце, а мать вновь заплакала.

– Куда меня теперь? – робко поинтересовался отец.

– Точно не знаю, вроде сказали, что в Ревизионное управление, товарищем столоначальника. Тот шесть лет при месте, стремится выше, а преемника ему не находилось. Он за полгода-год тебя натаскает и уйдёт на повышение. Должность подполковничья, так что тебе лет на восемь хватит.

– Сынка, в какие эмпиреи ты залетел? – грустно спросила мать. – Теперь по военной части пойдёшь?

Я заколебался, из суеверия не хотел говорить, но всё равно скоро узнают.

– Нет, мам. Сегодня меня его королевское высочество чином камер-юнкера поздравил.

– Честь-то какая!

Мать обрадовалась и немного успокоилась. Придворная служба на порядок безопаснее военной. Отец улыбнулся:

– Да мы теперь с тобой вровень будем по чинам!

– Пап, не обижайся, мало того что придворная служба выше статской, так у меня за орден и оружие ещё два года преимущества есть.

– Ого! Ты так в штаб-офицерские чины по окончании университета попадёшь.

– Эх, не хотел пока говорить, но раз так оно сложилось, скажу. – Кладу подаренную папку на стол. – Его королевское высочество сегодня изволил пожаловать руку целовать и поместье. Говорит, мол, Тихий Уголок для Тихого, будешь ты у нас помещным. Там есть двухэтажный дом, луга, лес, озеро, речка, деревня. Принц сказал, поместье небольшое и прехорошенькое, а пахотной земли целых триста десятин да два виноградника – в двадцать пять и в сорок. Для нас оно огромное и великолепное.

Вспомнил и про конверт Лауры. Я от неё такого не ожидал. Мой ангел – очень благодарная девочка. Она тоже подарила имение. Называется Дубки. Маленький господский дом, пахоты только сто сорок десятин и виноградник тридцать. Много пастбищ, река и большой

дубовый лес. В отличие от Тихого Уголка, в Дубках сельцо маленькое, больше народу живёт по фермам. Это что-то вроде наших хуторов. Местные селяне специализируются на всяком скотстве. В основном держат овец, но и свинства всевозможного хватает. Две трети мясного, остальное – на сало. Коров совсем чуток, причём молочных мало, большинство мясных пород.

А знаете, что самое хорошее? Оба моих имения рядом расположены, у них общая граница по лесу. Главное, землю подарили в собственность, а не в управление.

Такой вестью добил родичей. Перейти в разряд поместных и почётно, и выгодно. Однако земля безумно дорого стоит, да и не купишь. Причём простолюдинам её просто запрещено продавать, им возможна только аренда, и то на недолгий срок.

Есть второй ограничивающий фактор – годовой доход не более двух процентов от стоимости земли, максимум три, даже в самые урожайные годы. Рабства у нас нет, крепостных нет, только арендаторы, а они тоже хотят заработать.

Имение, то есть земля в собственности, облагается налогом. С арендаторов – понятно, с собственника наособицу платится. За то, что дворяне служат, налоги с них берут значительно меньше, чем с простолюдинов, но берут обязательно. Кстати, приличный расход. А вот если землю дают в управление, доход получаешь поменьше, зато налогов не платишь. Считается почти жалованьем, а с жалованья довольно глупо платить налоги, проще уменьшить выплату.

Знаете, что отлично от нашего мира? Имуществом жена чаще управляет, чем муж. Считается, что мужчина служит, деньги зарабатывает, а жена дома хозяйство ведёт.

Вообще здесь плюс-минус равноправие. Потому и девочки с нами учатся.

Женщинам служить не запрещено, даже мундирное платье положено. На статской службе их порядочно, да и в армии пара женских полков есть. Даже в гвардии имеется личный её светлости великой герцогини Силестрии Женский лейб-гвардейский полк. Он расквартирован рядом с дворцом, и гвардейки... гвардианки... нет, не солдатки, те в армии... служительницы из полка стоят в караулах при дамских покоях. Охраняют женщин и детей правящей династии. По конторам женщин полно, причём нормальных работников. Считается, они аккуратней мужчин в ведении бумаг и счетов, да и почерк лучше.

У служащих женщин, в отличие от мужчин, есть одно, но сильное ограничение – при беременности им приходится оставлять службу для родов и воспитания детей, а вот вернуться на старое место получается не всегда. Бывает, быт затягивает, бывает, место уже занято.

С браком вообще много разных сложностей. Мужчинам на службе запрещено жениться раньше двадцати трёх лет. Исключения редки и касаются лишь династических браков. Шепотком сплетничают – это потому, что корона семьям погибших платить не желает. Ведь в боях чаще погибает молодёжь. А посмотреть с другой стороны, брак один на всю жизнь. Разводов нет, даже после смерти супруга или супруги повторно в брак вступают редко. В храме церемонию проводить не особо согласны: не одобряют боги повторного супружества.

В шестнадцать лет парню разреши – он первую встречную под венец поведёт, а ведь жизни ещё не знает. Может, правильное запрещение? Может, стоит дать человеку время осмотреться?

После тридцати начальство начинает намекать мужчине о женитьбе. К сорока холостяк может забыть о продвижении по службе. Нехорошо в такие лета неженатому быть. Был случай, когда молодой офицер отказался честь холостому старшему офицеру отдать. Сказал: «Что я пред ним тянуться должен, если у него нет никого, кто передо мной тянуться будет?!» Из полка молодого выгнали (не человеку – мундиру честь отдаётся), но осадок остался.

Для девушек, даже служащих, ограничений нет. Хочешь замуж? Иди! Но состоящие на службе и женщины, и мужчины должны получить разрешение начальства, дабы не было умаления достоинства недостойной кандидатурой. Например, в гвардейских полках взять в жены простолюдинку не получится. Офицерское собрание против будет, какой бы богатой та ни

была. В армии ничего, можно. На статской службе где как. Однако везде кандидатуру рассмотрят обстоятельно.

Есть послабление. Молодой человек может найти себе конкубину. Оно не зазорно, плоть своего требует, но конкубина не жена, вы легко расстаться можете. Прижитых детей можно признать своими, а можно и нет. Как подойдёт срок, можно жениться на конкубине, а можно и не жениться. А коли женишься на другой и жена не против, можно жить на два дома.

Другой вопрос: зачем такое счастье девушке – идти в конкубины? Ну, с любовью понятно, про неё промолчим. Бедная дворянка иногда только так может устроиться с приличным человеком. Богатая простолюдинка может пожелать поднять свой социальный статус, родив ребёнка-дворянина. Иной раз богатая семья за конкубину огромное приданое даёт, с условием признания детей. И это ещё ничего. Иные простолюдины подкладывают дочерей влиятельным дворянам в любовницы в надежде на льготы, признание ребёнка или какие другие блага.

Наследовать имущество могут рождённые в браке, при их отсутствии – дети конкубины. Бастарды не наследуют ничего, кроме явно записанного на них в завещании.

Марги

Вчера и позавчера Стах в школу не приходил, что само по себе странно, ведь экзамены проводятся каждый день. Хотя прошёл тихий слушок, что Тихий заболел. Некоторые даже думали, что это не болезнь, а обида на родителей Рябы. Многие были свидетелями их разговора, и теперь дворяне раскланиваются с семьёй Губерласков крайне сухо, а те перед парнем даже извиниться не могут.

Марги лишь за подробный пересказ скандальной отповеди получила приглашение на субботний чай к своей однокласснице, причём дворянке. Видать, её родители что-то более подробно выпросить хотят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.